

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — РОДИНУ ЗАЩИТАТЬ!

ОФИЦЕРЫ

★ СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ ★

ДВА КАПИТАНА

Офицеры

Сергей Зверев

Два капитана

«Научная книга»

2005

Зверев С. И.

Два капитана / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2005 — (Офицеры)

Для одних спецназ – профессия, для других – призвание. А для бывшего капитана спецназа ГРУ Василевского – диагноз. Он собрал вокруг себя банду отморожков, захватил склад противопехотных мин и теперь угрожает устроить крупнейшие теракты по всему Черноморскому побережью, если власти не выплатят ему миллион долларов отступного. Такого допустить никак нельзя. И на бешеного волка началась охота. Его же бывший соратник капитан Селиванов получил приказ найти и уничтожить отщепенца. Значит, теперь придется помериться силой двум самым подготовленным бойцам спецназа и выяснить, на чьей стороне правда...

© Зверев С. И., 2005

© Научная книга, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Зверев

Два капитана

Глава 1

Громадное багровое солнце садилось за высокие горные хребты, но воздух все еще оставался горячим: скалы нагреваются медленно, зато и отдают свой жар долго. Там, на западе, виднелись правильные прямоугольники полей и пастбищ с крошечными фигурками овец, оттуда доносился глухой лай пастушеских собак. Поля становились все зеленее по мере приближения к мелкой и неширокой горной речке, берущей начало в ледниковом языке. Там же, очень далеко, можно было разглядеть границу сине-серой громады широколиственного леса. Лес напоминал лоскутное одеяло: светлую зелень буков, каштанов и грабов то тут, то там пятнали темные пихты и голубые ели. Снизу, от леса, как часто бывает в горах к вечеру, тянул несильный, но устойчивый ветерок, наполненный запахами разогретой листвы и речной влагой. Становилось все прохладнее, зубчатые очертания дальних гор, еще недавно словно бы размытые дневным зноем, приобретали четкость, контрастно выделяясь на фоне темнеющего неба. До сумерек – в середине июля они на Кавказе очень короткие – оставалось не более получаса. В горах темнеет рано и сразу: словно плотный занавес опускается.

Но эти полчаса нужно еще прожить! А небольшой – со взвод – группе военных пришлось сейчас очень туго.

Александр Селиванов прислонился плечом к огромному валуну, еще хранящему тепло полуденного солнца, отбросил в сторону пустой рожок, вставил новый, последний, передернул затвор автомата, досылая патрон. Валун, который почти полностью перегородил узенькую горную тропку, прикрывал его от пуль. Но все равно дело было плохо, куда как неважно складывалась ситуация. В рожке сорок патронов. Даже если бить экономными, короткими очередями, надолго не хватит. Что еще в арсенале? Две гранаты РГД, десантно-штурмовой нож. У остальных – не богаче. Значит, не отбиться. Надо уходить, иначе положат всех. Эти фанатики преспокойно станут разменивать пятерых своих на одного нашего. Численное превосходство у них подавляющее. И командир – далеко не дурак и не новичок в горной войне. Трех уже ухлопали, заразы. Хорошо, хоть тяжелораненых пока нет.

Командир маленького отряда двумя точными короткими перебежками пересек простреливаемую тропку, упал за валун рядом с Александром.

– Что будем делать, Селиванов? – голос этого человека в камуфляжке без знаков различия прозвучал озабоченно, но без панических ноток. Видно было, что в сложные ситуации он попадает не в первый раз.

Видно было и то, что с Александром Селивановым командир давно и хорошо знаком, что по званию и должности они приблизительно равны.

– Здесь нам не удержаться, капитан, – коротко ответил Александр. – Смотри сам: справа они не подойдут, там их можно прижать плотным огнем. А вот слева... Надо уходить, Андрюша. Иначе без всякого толку положим всех ребят.

– К речке? – Капитан Андрей Василевский, командир отряда спецназовцев понял Селиванова сразу. – Пожалуй... Если перейти реку, можно укрыться среди прибрежных скал. И тогда с наступлением темноты хрен они нас найдут. Попросту оторвемся. Только вот как мы выйдем к берегу под таким огнем?

– Вы отходите, а я вас прикрою, – Александр выпустил две короткие очереди в приближавшихся врагов, силуэты которых появились чуть левее тропки, именно там, где он и ожидал их увидеть. – Оставишь мне еще два полных магазина и гранат побольше.

В голосе Селиванова звучала такая твердая убежденность, что спорить с ним не имело смысла.

«Я рискую, – хмуро подумал Александр. – Да еще как. Однако оно того стоит. Откуда им знать, сколько человек осталось прикрывать отход? Продержусь, пока Андрей не дотащит своих ребятишек до берега, а потом... Одному уходить легче».

Со стороны нападавших слышалось воинственное «Аллах акбар!», вплетающееся в отрывистый треск автоматных очередей. Вот еще четверо перебегают тропинку, обходя диверсионную группу Андрея Василевского слева, именно слева... На лбу у каждого из четверки узкая полоска зеленого шелка, на которой арабской вязью выведена одна из сур Корана. Обычно это «Мчашиеся». В криках, которыми боевики подбадривали себя, слышалась лютая ненависть, бешеное желание добраться, наконец, до проклятых русских и вцепиться зубами в их глотки. Ярость искажала и без того грубые черты их бородатых лиц.

Человек – воистину самое страшное и свирепое животное на планете!

Цивилизационная оболочка, напыление культуры, тоненькая пленочка, отделяющая нас от свирепых чудовищ нашего же подсознания, слишком ненадежна. И когда она рвется, человеком овладевают самые древние, примитивные страсти, инстинкты, эмоции, которые мгновенно превращают нашего современника в троглодита, обитателя пещер. Жестокого и смертельно опасного.

А то, что в руках у него не суковатая дубина, а автомат Калашникова или что-нибудь еще более убойное, только усугубляет печальную ситуацию.

Капитан диверсионного спецназа Андрей Федорович Василевский повел стволом АКМ, нажал на спуск. Короткая очередь. Один из бегущих подломился в коленях, рухнул на тропинку, задержал ногами, захрипел, выгнулся в предсмертной муке. Из простреленной груди боевика толчками выхлестывала кровь.

– Вот так вот, – сказал Андрей Василевский без всякого выражения, буднично и спокойно, точно не человека убил только что, а комара прихлопнул. – А кто тебя, Санек, прикрывать станет?

Александр Селиванов недобро усмехнулся. Его? Не стоит его прикрывать!..

– Да уж как-нибудь уйду, – коротко и зло бросил он. – Ты меня, Андрей, знаешь. Я этой публике не по зубам. Поторопись, они начали фланговый обход. Толковый командир у этих сволочей, ничего не скажешь!

Тут Селиванов попал в точку, командир их противников умел воевать в горах. Что и понятно: последние десять лет из прожитых тридцати Хайдарбек Усманов ничем другим не занимался. Только воевал.

Среди своих бойцов Усманов выделялся, не походил он внешне на обычный для Северного Кавказа этнический тип. Был Хайдарбек Мадиевич Усманов светловолосым, с аккуратной, тоже светло-русой бородой. Глубоко посаженные внимательные серые глаза. На правой щеке – след свежего ожога. И хоть зеленая повязка воина ислама пересекала лоб Усманова, но не читалось на его лице печати фанатизма. Скорее – спокойная сосредоточенность. Тонкие губы плотно сжаты, две жесткие складки у рта.

Хайдарбек Усманов, как и Василевский с Александром Селивановым, прекрасно понимал: единственный шанс для русских – попытаться пересечь неглубокую речку, скрыться в прибрежных скалах, густо поросших лозняком, бересклетом и кустами лещины, дожидаться наступления темноты и оторваться от преследования. Но предоставлять своим врагам этот шанс Хайдарбек вовсе не собирался. Атаковать в лоб? Нет, можно поступить хитрее и грамотнее. Усманов отдал несколько коротких гортанных команд. Под прикрытием плотного огня все больше его бойцов скапливалось по левую сторону горной тропки, заходя российским спецназовцам во фланг. А вот когда этот обходной маневр завершится, тогда скажется численный

перевес! Русских слишком мало, одновременного удара с двух сторон им не выдержать. Кровью умоются неверные, ни один живым не уйдет!

Но тут положение изменилось решительно и бесповоротно, и боевикам Усманова стало не до фланговых обходов, не до попыток устроить ненавистным гяурам кровавую баню. Тут самим бы ноги унести!

Потому что над двумя сцепившимися в смертельной схватке группами вооруженных людей вдруг, словно бы ниоткуда, из прохладного вечернего воздуха возникли два вертолета. Два «Апача» американского производства, вертушки огневой поддержки, которые могут натворить внизу столько и такого, что думать тошно. В свое время американцы во Вьетнаме одним звеном таких вертолетов выжигали дотла целые деревни. Не дай никому Аллах окатиться под атакой боевых вертолетов! Это – верная смерть.

Александр Селиванову хватило одного короткого взгляда на вертолеты, чтобы понять: прибыли хозяева. Вон, белая восьмилучевая звезда в черном круге на бортах вертушек. Эмблема ВВС Грузии. Грузинский спецназ пожаловал. Сейчас незванным гостям придется туго.

Хайдарбек Усманов тоже мгновенно понял, что начинаются танцы со смертью.

Какое тут, к шайтану, сопротивление?! Автоматами против двух «Апачей» много не навоюешь. Был бы у него в отряде ПЗРК типа «Игла», а лучше – два, имело бы смысл порыпаться. Но не было у боевиков Хайдарбека переносных зенитно-ракетных комплексов. Оставалось только рассыпаться, рассредоточиваться и, укрываясь в скалах, уходить по одному. Перекрывая свистящий шелест несущих винтов «Апачей», Усманов хрипло прокричал слова команды. Была она весьма немудреной, в вольном переводе на русский: «Спасайся, кто может!» Счет пошел на доли секунды.

Нет, не успели они рассредоточиться! Ничего не получилось со «спасайся!» Вертолеты, разойдясь по разные стороны тропинки, синхронно сделали «горку». Их острые носы хищно опустились вниз, к земле. И с внешних подвесок «Апачей» в самую гущу боевиков Усманова ударили ракеты класса «воздух – земля». По две от каждого из вертолетов. Хватило бы и половины, но грузины не поскупились, вжарили от души.

И тут разверзся ад кромешный. Казалось, сами скалы содрогнулись. Горное эхо усилило обвальный грохот взрывов до нестерпимой мощности. Звук шел отовсюду, горы резонировали, точно гигантские мембраны. У Александра заложило уши. Вовсю закрутились жернова чудовищной мельницы смерти.

Четыре слепящие вспышки слились в одну, пятачок земли, на который пришелся ракетный залп, затопил поток чистого белого пламени. Град осколков заскрежетал об валун, за которым укрывались Александр Селиванов и Андрей Василевский, со злобным визгом вспорол воздух. Ударная волна, напоенная яростным жаром, пронеслась над горной тропой.

И крики. Страшные, нечеловеческие крики погибающих лютой смертью, сгорающих заживо, размолотых в мясной фарш боевиков. В тяжелый запах сторевавшей взрывчатки вплетались запахи свежей крови и жареной человечины.

Из-за валуна, подпрыгивая, выкатился круглый предмет, напоминающий футбольный мяч. Оторванная голова. И зеленая повязка с сурой Корана на месте, даже не запачкалась. На что уж Александр Селиванов побывал в разных переделках и посмотрелся таких веселых картинок по самое не могу, но даже его слегка замутило. А окажись на месте разведчика и спецназовца Селиванова непривычный человек? Это жуткое зрелище преследовало бы его в кошмарах до смертной черты. Запредельный ужас, негоже людям на такое смотреть.

Андрей Василевский кинул на окровавленную голову равнодушный взгляд, носком берца отпихнул ее в сторону. Война плотно въелась во все поры души командира спецназовцев, в боевиках Усманова он людей не видел и не признавал. Опасные и кровожадные дикие звери! Уничтожают их грузины, как взбесившихся шакалов? Так и господь в помощь!

Грузины, меж тем, методично и по-деловому добивали жалкие остатки отряда Хайдарбека Усманова. Одна из винтокрылых машин, заложив крутой вираж, ушла вниз, к речке. А под брюхом второго «Апача» забились желто-оранжевые высверки, совсем тусклые после яростного пламени ракетного залпа. После той ослепительной вспышки Селиванову вообще все вокруг казалось тусклым и бесцветным. И, опять же, характерный звук: точно палкой по толстому штaketнику провели.

Это заработал американский крупнокалиберный пулемет RW – 90. Прицельная дальность – два километра, пуля величиной со среднюю виноградину. Когда очередь такого пулемета попадает в человека, да еще на таком небольшом расстоянии... Лучше не смотреть на то, что от человека остается.

Ясно одно: грузинские спецназовцы, с большой долей уверенности можно было предполагать, что это парни из элитной противодиверсионной группы «Кахетия», – прекрасно разобрались сверху, кто с кем дерется внизу. И если «воинов ислама» они безо всякой жалости раздавили, как тараканов, то в сторону русских пока не сделали ни одного выстрела. Это давало шанс. Теперь боевики Усманова выведены из игры, и остается только выполнить то, о чем разговор уже шел: форсировать вброд речушку, благо до нее не слишком далеко, и уходить в прибрежные заросли. Чтобы и от неожиданных спасителей подальше. Тем более что на горы уже падала темнота, ночь вступала в свои права.

Капитан Андрей Василевский отдал короткий приказ. Спецназовцы экономными перебежками двинулись к речному броду.

«Нет, так легко и просто не получится, – думал Александр Селиванов, привычно входя в ритм бега. – Или я не знаю грузин. Они наверняка готовят нам какой-то поганый сюрприз, скорее всего – засаду у брода. Недаром один вертолет пошел к реке! А преимущество у них подавляющее. Так что вполне можем попасть из огня да в полымя. Ох, не накаркать бы!»

И ведь накаркал! С того берега, до которого было не более тридцати метров, раздался слитный треск автоматных очередей. Прямо перед командиром, капитаном Василевским, пули вспороли стылую воду горной речки. Нет, били не по ним, а перед ними. Не на поражение, а предупреждая: остановитесь! А затем раздался искаженный мегафоном голос. Правильный русский язык, правда, с характерным акцентом:

– Мы предлагаем вам немедленно сдаться. Соппротивление бесполезно, у вас нет шансов отбиться. Уйти мы вам тоже не позволим. Вы находитесь на территории суверенной республики Грузия. Находитесь незаконно. Мы вправе применить против вас меры любой степени жесткости. Вы только что своими глазами видели, что это могут быть за меры. Бросайте оружие!

«Ну, все понятно, – обречено подумал Александр. – Мы нужны этим гаврикам живыми. У них в группе наверняка инструктор-американец имеется, и, возможно, не один. Такие друзья стали янкесы с независимыми грузинами, прямо водой не разольешь. Типично американская схема: взять нас теплыми на грузинской территории, отснять репортаж и запустить его по телевидению. С комментарием соответствующим. Дипломатический скандал, лишний повод обвинить Россию во всех смертных грехах. В чем очень заинтересованы определенные круги в Тбилиси. Про Вашингтон и говорить нечего, там спят и видят, как бы нас в лужу поглубже усадить».

Но если Селиванов все же сохранял относительное спокойствие и способность рассуждать, то на Андрея Василевского предложение сдаться подействовало, как красная тряпка на быка. Капитан, который почти поверил в то, что сейчас уведет своих ребят, спасет их и спасется сам, сорвался. Не выдержали нервы, они у спецназовцев тоже имеются.

Таящийся в подсознании страх – он вовсе не хотел погибать! – словно исчез куда-то, смытый волной доходящей до бешенства злости.

– Спецназ умирает, но не сдаётся! – зычно проревел он, так, что от прибрежных скал донеслось раскатистое эхо. – Вперед, ребята! На прорыв! Огонь по тому берегу, бей их, сволочей!

И, добавив полную чудовищных оскорблений длинную фразу на ломанном грузинском, первым кинулся в ледяную воду, которая в этом месте доходила ему почти до плеч.

Слитно и дружно ударили автоматы ребят Василевского. На том берегу раздались яростные проклятия, крики боли. Русские спецназовцы посыпались в речку за своим командиром.

Прямо под плотный и убийственный огонь. Теперь о том, чтобы взять их живыми, грузины из «Кахетии» уже не мечтали. В сгустившейся темноте вспыхнули, как глаза исполинских чудовищ, два конуса слепящего белого света: носовые прожектора «Апачей».

Александр Селиванов словно бы выпал из времени. Осталась только кипящая от пуль вода, треск автоматных очередей, разрывы гранат, отчаянные крики, стоны... Жуткая музыка боя. Неравного боя, увы!

И закончился бой быстро, не было шансов у парней Андрея Василевского. Ни одного. Только в резком свете вертолетных прожекторов видно, как по горной реке плывет то ли тело, то ли вещмешок. Еще один, еще... Туда, на глубину.

@int-20 = Этот рядовой, вообще говоря, инцидент получил неожиданно широкий резонанс.

Грузинские власти провели официальное расследование. В свете произошедшего МИД Грузии заявил дипломатический протест России, тут прозвучало и «незаконное вторжение», и «неуважение суверенитета и территориальной целостности республики Грузия» и много чего еще в том же духе. Об уничтоженных боевиках Усманова речь не шла, бандиты, они бандиты и есть, но предстояло ответить на весьма неприятный и колючий вопрос: а чем, в самом деле, занималась группа российских военнослужащих на грузинской территории?

Российским дипломатам приходилось учитывать то, что отношения с независимой и суверенной Грузией у нас сейчас, мягко выражаясь, непростые.

Значит, что? Значит, надо выкручиваться. Ну на то дипломаты и существуют в природе!

Ответ МИД РФ был таковым: мол, отряд пограничников преследовал нарушителей госграницы, потерял связь и непреднамеренно оказался в Грузии. Горы, то да се... Заблудились, одним словом. Поди, проверь!

На неприятный вопрос грузин, может ли российская сторона предъявить общественности хоть одного «пограничника», последовало лаконичное «Нет!»

Почему же нет?! А потому, что все они утонули. Минобороны версию своих коллег из МИД поддержало, причем в предельно туманных выражениях. А число погибших и их имена канули в глухую безвестность. Вот были люди, честно служили, выполняли приказы командования, и нет их, точно и не было никогда.

Такая невнятная позиция МИД, а пуще того родного Минобороны вызвала у офицеров элитного спецназа ГРУ глухое раздражение. Мол, политики уже не впервой подставляют армию. Мол, наши товарищи погибли, выполняя приказ, а теперь получается, что их посмертно опозорили, выставили какими-то котятками слепыми, которых, видишь ли, по собственной дурости и неумению воевать занесло на чужую территорию. Нехорошо!.. Но выказывать это раздражение открыто никто не осмелился...

Однако нет, не все участники этой кровавой стычки погибли! По непроверенным слухам, Хайдарбека Усманова якобы видели и в ингушской столице Магасе, и в осетинском Цхинвали, и в Гаграх. А из всей российской диверсионной группы выжили только капитан Василевский и Александр Селиванов. Первый, пользуясь старыми связями, оказался на территории Абхазии – непризнанного международным сообществом государства. Контуженный близким разрывом гранаты, Селиванов сумел выйти к ближайшей российской погранзаставе, откуда его вертолетом перебросили в Ростов, в штаб Северокавказского военного округа.

Но светиться теперь, когда они «утонули», этим двоим не следовало. Под оперативным прикрытием – документы на другие фамилии – оба продолжили службу. Андрей Василевский – в группе российских миротворцев в Сухуми, а Александр Селиванов – преподавателем Академии генштаба.

Все трое, – Усманов, Василевский, Селиванов, – старались забыть произошедшее с ними и уж точно не подозревали, что их судьбы когда-нибудь еще раз пересекутся.

А ведь пересеклись!

Глава 2

Кавказские горы совсем молодые – Альпийская складчатость. Именно поэтому мощный слой третичных осадочных пород, главным образом, алюмосиликатных карбонатов, не успел пройти через разрушающую «кору выветривания», и до сей поры покрывает материнские граниты и базальты мягким чехлом. В особенности это относится к приморской, северо-западной части Кавказа.

Известняки, по большей части доломиты, бариты и кальциты – это прекрасно карстующиеся породы. В понятии «карст» нет ничего сложного. Попросту закисленные, насыщенные углекислым газом воды поверхностного стока потихоньку растворяют и размывают податливые известняки. Год за годом, тысячелетие за тысячелетием. Именно что «капля камень точит». Карст порождает немало удивительных, причудливых явлений. Пропадают, – в буквальном смысле слова проваливаются под землю, – реки и ручьи, а затем они внезапно выныривают на поверхность, образуются глубокие воронки, котловины, провалы.

Но самое поразительное – это карстовые пещеры, замечательные создания природы, подземные дворцы невероятной, ошеломляющей красоты. Карбонаты кальция, насыщающие пещерные воды, выпадают в осадок, образуя сталактиты и сталагмиты, — громадные известняковые «сосульки», растущие навстречу друг другу. А соли марганца, кобальта, железа и меди окрашивают эти колонны то в розовый, то в зеленый, то в бирюзовый цвет. Хотя чаще всего они остаются снежно-белыми.

Причудливые лабиринты и галереи; величественные гроты и бездонные пропасти; застывшие каменные водопады, бурные потоки и тишайшие подземные озера – все это встречается в карстовых пещерах.

Абхазии в этом отношении повезло – вот уж где подлинный рай для спелеологов. Одна пещера «Снежная», пещера-пропасть на хребте Арбаика глубиной почти в два километра чего стоит! Нигде в мире нет ничего подобного.

И, конечно же, уникальный пещерный комплекс Нового Афона. Равного ему тоже не сыскать нигде в мире. И расположен он исключительно удобно: всего-то в восемнадцати километрах северо-западнее столицы Абхазии, города Сухуми.

Когда-то, в советские еще времена, небольшую часть новоафонских пещер приспособили для туризма. Были проложены рельсы узкоколейки, по которым ездили электрички, через крупные расщелины и провалы перебросили мостики, сделали подсветку. Проводились регулярные экскурсии, которые пользовались большой популярностью. Да что экскурсии! В пещерных залах даже давали концерты классической музыки, акустика-то великолепная. Очень впечатляло...

Но даже тогда большая, труднодоступная часть пещерного комплекса была практически неисследованной. Неисследованной она остается и по сей день.

И организованных экскурсионных групп в пещерах Нового Афона теперь не встретишь, из-за конфликта с Грузией абхазам не до проведения экскурсий. Бездействует туристический маршрут, и рельсы, по которым когда-то весело катились электрички с восхищенными экскурсантами, потихоньку покрываются ржавчиной.

@int-20 = Темноту одного из пещерных залов новоафонского комплекса прорезал пучок яркого белого света. В центре зала, около громадных сталактитовых колонн, стояли двое. В руках молодого мужчины с внимательными серыми глазами и небольшой шкиперской бородкой была направленная на сталактиты видеокамера. И ее модель, и то, как ловко управлялся с ней мужчина, однозначно свидетельствовали – это оператор-профессионал. А мощный переносной фонарь, подсвечивающий своды пещеры, держала его спутница, высокая и стройная

молодая женщина лет двадцати пяти. По некоторым деталям поведения, по тому, каким тоном она говорила с мужчиной, можно было предположить: в этой паре именно она главная.

Ее, пожалуй, нельзя было назвать красавицей, но вот мила и симпатична она была в высшей степени. Пушистые медно-рыжие волосы, собранные на затылке в «конский хвостик», широко распахнутые голубые глаза, очень белая, совершенно не тронутая летним абхазским загаром кожа. Лицо чуть вытянутое, удлиненное, с четкой линией высокого лба. Словом, похожа на оживший портрет английской аристократки кисти Констебла или Габриэля Росетти.

Она, кстати, и была английской аристократкой, Джулианой Хаттерфорд. Хаттерфорды – древний и славный девонширский род, они еще в войне Роз отметились, дрались на стороне Ланкастеров.

Правда, одета Джулиана была явно не для великосветского раута. Плотный комбинезон с множеством кармашков, пряжек и ремешков, поверх комбинезона широкий страховочный пояс? оснащенный двумя титановыми карабинами, на ногах тяжелые ботинки с триконями. Обычная экипировка альпинистов и спелеологов. Ведь спелеологи и есть своего рода альпинисты «наоборот».

В посадке головы, в каждом жесте этой молодой женщины чувствовалась бодрость и энергия.

Сквозь луч фонаря с писком промчалась небольшая стайка ушанов, пещерных летучих мышей, испуганных появлением людей. Мелькнули перепончатые крылья, оскаленные мордочки с горящими угольками глаз. Стайка подземных жителей скрылась в непроглядном мраке.

Джулиана чуть развернула фонарь, световое пятно заскользило по полу подземного зала. Стоп! А что это такое вон там, метрах в десяти? Да ведь это воронковидный колодец – провал! Женщина направила луч прямо в зев колодца. Нет, так ничего не увидишь. Но, похоже, этот ход идет на очень солидную глубину! А нет ли под залом, где они находятся, еще одного? Такое случается часто...

Джулиана достала из кармана комбинезона карту этого участка пещерного комплекса, некоторое время внимательно изучала ее. Нет, не было на карте ничего похожего на этот обнаруженный ею провал. Ух, как интересно! А если спуститься туда? Дедь можно заснять место, где еще не ступала нога человека! В англичанке проснулся азартный дух исследователя-спелеолога. Джулиана повернулась к своему спутнику и помощнику и сказала, что было бы неплохо спуститься в эту горловину. Вдвоем.

Тот в ответ промямлил что-то с весьма кислым видом. Не хотелось ему лезть в колодец, дьявол знает куда ведущий! Да и вообще все подземные красоты надоели молодому англичанину хуже горькой редьки, скорее бы наверх, под ласковое абхазское солнышко!

Но Джулиана Хаттерфорд умела проявлять настойчивость. Голос ее зазвучал отрывисто, резко, по-командирски. Оператор лишь уныло пожал плечами и согласился, заметив при этом, что страховать их и вытаскивать, в случае чего, некому, и надо быть предельно осторожными.

А про себя мрачно подумал: то, о чем его предупреждали еще в Лондоне, оказалось чистой правдой. Так ведь и говорили: мисс Хаттерфорд в полной мере обладает редкостной способностью впутываться в ситуации, опасные не только для себя, но и для окружающих.

К зияющему устью провала подтащили портативную, но очень мощную электрическую лебедку на аккумуляторах. Так, теперь закрепить систему тросов и можно начинать спуск. По сигналу с пульта дистанционного управления, который Джулиана сунула в один из многочисленных карманов своего комбинезона, лебедка сама вытаскивает их из провала. После того как они заснимут все там, внизу. Могут получиться уникальные, сенсационные кадры! Ради них стоило рискнуть, в конце концов это ее профессия.

Женщина, подстегиваемая азартом, спустилась первой. Да! Она оказалась права: в свете висевшего на ее груди фонаря перед Джулианой предстал громадный подземный зал. Он оказался еще обширнее, чем тот, из которого мисс Хаттерфорд только что спустилась сюда.

Вверху из черного зева колодца показались ноги ее помощника. Несколько секунд, и вот ее спутник рядом с ней, они снова вместе. Камера готова к работе. Теперь нужно внимательно осмотреться. Неужели они первые люди, проникшие в эту потаенную подземную полость?!

Э-э, нет! Не первые. Луч фонаря неожиданно упал на ровные ряды ящиков темно-зеленой окраски. В такой цвет в российской армии принято окрашивать военное имущество. И краска, похоже, совсем свежая...

Джулиана Хаттерфорд заинтересовалась: откуда здесь эти ящики? И что в них? Она даже вздрогнула, так велико было ее изумление. Джулиана твердо решила прямо сейчас выяснить что к чему. Не отводя светового луча от загадочных ящиков, англичанка медленно двинулась по направлению к ним. Ее спутник поморщился, тяжело вздохнул: не нравилось ему тут. Кто его знает, что в них? В отличие от Джулианы, он излишним любопытством не страдал и нездорового интереса к чужому имуществу не испытывал. Но, как настоящий профессионал, он включил камеру и начал съемку. Все дальнейшее произошло очень быстро и совершенно внезапно.

Есть такая хорошая поговорка про кошку, которую любопытство стубило. В данном случае оно чуть не стубило двух подданных британской короны.

Справа, из пещерного мрака, вдруг раздался громкий и властный окрик:

– Стой! Кто идет?!

И характерное клацанье передергиваемого автоматного затвора. Ого! Это уже серьезно!..

Джулиана рефлекторно обернулась в ту сторону, откуда прозвучал окрик. Луч фонаря, который по-прежнему висел на груди англичанки, описал широкую дугу и на секунду высветил фигуру высокого широкоплечего мужчины в пятнистом камуфляже. На уроженца здешних мест он не походил, типично славянской была его внешность. Да и окрик ведь прозвучал порусски! В руках мужчина сжимал автомат Калашникова с откидным прикладом. Десантная модификация АКМ.

А еще через секунду пещерный зал наполнился грохотом автоматных очередей. Били не меньше как из трех стволов. Правда, не на поражение — поверх голов двоих англичан. Им попросту предельно наглядно продемонстрировали: не стоит оказывать сопротивления или пытаться скрыться. Пули с противным визгом вонзались в стены и потолок пещеры, откалывали куски доломита, рикошетили. Запахло сгоревшим порохом, известковой пылью.

Джулиана не растерялась, не утратила способности соображать и хладнокровия. Как только прогремели первые выстрелы, англичанка навзначь упала на пол пещеры. Правда, не слишком удачно: ее фонарь ударился об острый выступ и разбился. Теперь лишь светящиеся трассеры автоматных очередей прорезали темноту. Звук автоматных очередей отражался от невидимого свода пещеры, растягивался глубоким, усиливающимся эхом.

Перекрикивая треск выстрелов, она громко окликнула своего помощника. Тот отозвался, но совсем не оттуда, откуда Джулиана ожидала услышать его голос. Попав в такую острую ситуацию, надо держаться вместе, не хватало еще только потерять друг друга в крошечной темноте подземного зала!

Стрельба, меж тем, постепенно стихла. Но стих и голос англичанина, оператор больше не отзывался на призывы Джулианы! Видимо, спасаясь вслепую от огня, он оказался в другом конце громадной пещеры.

В тишине, особенно густой и какой-то ватной после яростной автоматной трескотни, Джулиана услышала звук уверенных шагов. У хозяев пещеры, кто бы они ни были, вероятно, имелись приборы ночного видения. Шаги приближались. Что же ей делать? Все-таки попробовать спрятаться или убежать? Как же... В полной темноте, не имея ни малейшего представления о том, где здесь можно укрыться! Это даже не смешно. Да и не дадут ей убежать, вон как уверенно подходят. Ну, что ж... Видимо, волей-неволей придется познакомиться с этими таинственными стрелками поближе.

Джулиане Хаттерфорд было не занимать самообладания и силы воли. Она решительно встала в полный рост, точно говоря этим: «Вот она, я! Подданная ее величества королевы. Я вас не боюсь!»

Хотя, конечно, боялась, да еще как. Но показать это неизвестным?! Да ни за что!

Чьи-то руки, протянувшиеся из темноты, не грубо, но твердо взяли ее под локти. Загорелся карманный фонарик. Еще один. Их лучики быстро растворялись в пещерной мгле. В слабом тускловатом свете англичанка окинула взглядом пленивших ее неизвестных.

Пятеро. Все вооружены автоматами, все в камуфляже без погон, шевронов и прочих знаков различия. Лица? Нормальные, вообще говоря, лица. На монстров из ужастика никак не тянут. Причем ни на абхазов, ни на грузин они не похожи. Не тот этнотип. Тогда кто они? Русские?

Да, тот самый широкоплечий мужчина, которого она успела разглядеть в свете своего фонаря за секунду до того, как началась стрельба, вероятно, старший в пятерке, обратился к ней по-русски:

– Кто вы такая? Где второй? Где мужчина, который был с вами? Вам понятен мой вопрос?

Она кивнула, не видя никакого смысла в том, чтобы скрывать свое весьма приличное знание русского языка. Общаться на нем Джулиана Хаттерфорд могла вполне свободно, хоть говорила с ощутимым акцентом.

– Понятен. Но я не могу на него ответить. Я сама очень хотела бы знать, куда делся Майкл. Кто я такая? На этот ваш вопрос я отвечу, но только после того, как вы проясните мне мой статус. Я в плену?

Широкоплечий довольно долго молчал, а затем сказал безо всякой угрозы:

– Не знаю пока. Возможно, что в плену. Или нет. Это как посмотреть. Но я не собираюсь причинять вам зла.

Глава 3

В самом центре Москвы, в одном из переулков, примыкающих к Берсеневской набережной, стоит небольшой двухэтажный особнячок еще дореволюционной постройки. В особнячке расположено представительство и штаб-квартира одной из самых мощных и знаменитых информационных служб мира – ВВС, British Broadcasting Company, би-би-си. Сейчас слово «Company» в ее названии все чаще заменяют на «Corporation», аббревиатура при этом не меняется. Правильно делают, корпорация и есть.

Это, помимо всего прочего, старейшая из комплексных систем СМИ, со своими строгими внутренними законами, правилами и традициями, до которых англичане великие охотники. Корпорация имеет сложную структуру: в нее входят не только радиовещательные и телевизионные компании, но и ряд периодических изданий, киностудии и студии звукозаписи, фирмы, разрабатывающие компьютерные игры и прикладные программы, рекламные холдинги, аналитические и маркетинговые группы и прочее, и прочее... Мало кто знает, каков годовой оборот средств ВВС, это коммерческая тайна. Ясно только, что он огромен. Огромно и влияние корпорации, к мнению ее топ-менеджеров очень внимательно прислушиваются в британском парламенте и правительстве. Сеть корреспондентских пунктов и представительств ВВС охватывает всю планету, они есть в каждой столице, и Москва не исключение. Сейчас, когда холодная война, – к организации которой ВВС, в свое время, очень даже руки приложила! – вроде бы закончилась, англичане пользуются в российской столице режимом наибольшего благоприятствования. Хотя для наших соответствующих служб далеко не секрет: под «крышей» корпорации хватает самых натуральных шпионов. Зачастую вообще невозможно разобраться, где кончается журналист и начинается шпион! Так что приходится время от времени выставлять из России особо резвых шалунов. Такая вот интересная дружба получается...

Это лето в Москве выдалось аномально жарким. Уже вторую неделю столбик термометра не опускался ниже тридцати пяти градусов. И это в тени! По утрам солнце ошалевшей ракетой взлетало на белесое небо, и рассветный воздух почти сразу начинал дрожать от зноя. Еще час-два, и жара становилась невыносимой. Размягчался асфальт, зыбкое марево, стоящее над ним, забивало горло, кружило голову, не давало нормально дышать. Воздух был так сух, что слегка потрескивал. Казалось, его можно было разорвать, как бумагу. Горели торфяники приокской поймы, и ветер, раскаленный, точно в доменной печи, нес едкий дым на Москву.

Листва столетних лип, обступивших особнячок представительства ВВС, поникла и сморщилась от зноя. Чугунная решетка ограды раскалилась так, что не дотронешься.

Но за толстыми стенами особняка, в комнате для оперативных совещаний, было свежо и прохладно. Тихо гудели кондиционеры, увлажняя и охлаждая заоконный воздух, в унисон им слышался столь же тихий звук работающих компьютерных терминалов. Белые шелковые занавески смягчали свет яростного московского солнца.

И все же атмосфера совещания была раскаленной, только в другом, психологическом смысле. Уж слишком неприятный вопрос обсуждался. Проблема, на первый взгляд относительно простая, была на самом деле неразрешима.

Чувствовалось, что почтенные джентльмены, собравшиеся в комнате, испытывают нешуточное напряжение, плавно переходящее в легкую панику. Из последних сил стараются говорить спокойно, чтобы не ронять свое достоинство. Но лица у джентльменов мрачные, читаются в их выражении обеспокоенность и тревога. Смятение написано на обычно невозмутимых лицах!

Суть дела была проста и оптимизма не вызвала. Две недели тому назад съемочная группа телеканала «Дискавери», который структурно входит в ВВС, вылетела в Абхазию для съемок научно-популярного фильма о карстовых пещерах в районе Нового Афона. А спустя

несколько дней группа бесследно исчезла, и с той поры ни связи с ней нет, ни каких-либо известий о ее судьбе.

Группа небольшая, состояла она всего из двух человек. Руководителем проекта, режиссером и продюсером стала Джулиана Хаттерфорд, спелеолог со стажем, известная и весьма хваткая тележурналистка. Ее помощником и оператором был молодой, но подающий большие надежды Майкл Белчер.

Мисс Хаттерфорд и на канале «Дискавери», и шире – вообще в ВВС, прекрасно знали. Отношение к Джулиане было, вообще говоря, двойственным. С одной стороны, никто не оспаривал, что эта молодая особа – отличный, крепкий профессионал. Что она умна, талантлива, храбра и, что немаловажно, чертовски удачлива. Что все ее материалы высшего сорта. Но вот с другой стороны...

Упряма она была на удивление, и уж если ей в голову приходила какая-то идея, считала, что, кровь из носу, должна довести дело до конца. То есть никаких резонов не признавала, никаких возражений не слушала, все равно поступала по-своему. Джулиана сама придумала проект со съемкой новоафонских пещер, и ценой невероятных усилий настояла на его необходимости для канала, как ее ни отговаривали ехать в район грузино-абхазского конфликта.

Поэтому сейчас все оперативное совещание менеджеров канала «Дискавери» и сотрудников технических служб представительства сводилось к унылому: «Мы же говорили! Мы же предупреждали! Но она, видите ли, не девочка! Ей поперек дороги не становись! У нее, упрямыцы, понимаете ли, собственная голова на плечах! Где она теперь, та голова?» Спор шел, собственно, о том, кто громче говорил и убедительнее предупреждал. И почтенные джентльмены только что руками от волнения не размахивали...

Было отчего. Для начала: подобные печальные инциденты напрямую подрывают престиж канала и корпорации. За такие проколы руководителей российского представительства в Лондоне по головке не погладят. Но главное даже не в этом. Можно по-разному относиться к англичанам, но чего у подданных ее величества не отнять и чему не грех бы поучиться: своих они в беде не бросают никогда! Выручают, не жалея сил и средств.

Только вот как их выручать, скажите на милость?! Это при условии, что есть кого выручать, что Джулиана и Майкл еще живы...

Спокойнее всех среди дюжины собравшихся в комнате для оперативных совещаний выглядел высокий худощавый мужчина лет пятидесяти, одетый, несмотря на московскую жару, в строгий серый костюм классического покроя. Белоснежная рубашка, подобранный в тон галстук, тщательно выбритое худощавое лицо, на котором выделяются внимательные серые глаза. Он не принимал участия в споре, предпочитая слушать, а когда к нему изредка обращались с вопросом, отвечал коротко, односложно: «Да», «Нет», «Не знаю».

Было в нем что-то такое – трудно было сказать, что именно, – от чего он производил впечатление военного, переодетого в штатский гражданский костюм.

Кстати, с вопросами к худощавому мужчине обращались не слишком часто, хоть никто из присутствующих не сомневался: этот человек имеет полное право участвовать в совещании, он здесь фигура не из последних. Телевизионщики косились на него с уважительной опаской, которая объяснялась просто: никто из них не знал точно, кто он такой.

Ну как это, кто? Мистер Эндрю Аббершоу. Приехал из Лондона, из головного офиса ВВС два месяца тому назад. По слухам – с самыми широкими полномочиями. Что значит «самые широкие» – понимай, как хочешь. Но руководство московской штаб-квартиры перед ним чуть не на цыпочках ходит. Значит, имеются к тому веские основания. Хоть чем, собственно, занимается Аббершоу – решительно непонятно! Только вот просто так из Лондона никого присылать не станут.

Разговор, меж тем, пошел уже по второму, если не по третьему кругу. Получалось все так же невесело. Не может Форин офис, МИД Великобритании, напрямую контактировать с

руководством Абхазии. Потому что нет такой страны, не признана Абхазия мировым сообществом! Опять же, узнай грузины о таких контактах, так в Тбилиси обидеться могут. А обижать суверенную и независимую Грузию Лондону сейчас не с руки!

Суть английской внешней политики издавна выражается чеканной формулой: «У Британии нет постоянных друзей и врагов. У Британии есть постоянные интересы!» Кстати, автором этой знаменитой фразы является не Бенджамин Дизраэли, а Уильям Питт-младший.

Наверное, не бывает ничего более поучительного и увлекательного, чем история. Тем более история взаимоотношений России и Британии – двух самодостаточных и ярких стран, оказывающих на протяжении веков заметное влияние на ход мирового развития. Было и взаимное притяжение, и взаимное отчуждение. Всякое случалось, в том числе и времена открытого противостояния. Наши страны издавна стали в ряд основных игроков в запутанных лабиринтах европейской политики и – да! – последовательно, а порой и весьма жестко отстаивали свои национальные интересы.

Только вот почему-то британские интересы конкретно на Кавказе уже больше двухсот лет упорно противостоят интересам российским. Так уж получилось... Поэтому сыновья туманного Альбиона никогда не упустят случая сделать нам в этом регионе какую-нибудь гадость. В частности, разыграть «грузинскую карту» – как уже было замечено, российско-грузинские отношения с настоящим моментом не отличаются теплотой. Отсюда следует, что отношение к тбилисским политикам в Лондоне нежное и трепетное, никто их против шерсти гладить не станет, пропади хоть десять съемочных групп. Какие контакты с абхазами?! Мы и знать не знаем никаких таких абхазов!

Тогда что остается? Неофициальные контакты руководства BBC и правительства абхазских сепаратистов?

А как же, были такие, корпорация не бросает в беде своих сотрудников. Только ни к чему они не привели.

Абхазы упорно отреклись даже от косвенного своего участия в истории с пропажей Джулианы Хаттерфорд и Майкла Белчера. Ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знают и вообще – «мы в стороне!»

«Но самое забавное, – сказал себе Эндрю Аббершоу, покидая комнату для совещаний, – что абхазы, похоже, не врут. Они и в самом деле ничегошеньки не знают о пропавшей съемочной группе. А кто же, в таком случае, знает?..»

Глава 4

– ...И помните: в пустынях по ночам холодно, даже летом. Этим можно воспользоваться для того, чтобы получить из воздуха адиабатическую влагу, которая сконденсируется в дистиллированную воду и не даст вам погибнуть от жажды. Правда, это только в том случае, если вы сумеете найти хотя бы несколько камней. Но чисто песчаных пустынь на свете мало, обычно камни найти можно. Особенно, если жить захочешь. Так вот, из камней вы должны сложить такую пирамидку... – Александр Селиванов нажал на кнопку пульта, вмонтированного в преподавательскую кафедру, и на громадном демонстрационном мониторе возникло изображение. – Это простое с виду приспособление станет работать, как холодильник-конденсатор. Воздух никогда не бывает абсолютно сухим, даже над пустынями. За ночь у вас наберется от ста до двухсот кубиков воды. Это немного, но все же лучше, чем ничего. Только не зевайте, иначе влага, как сконденсировалась, так и испарится.

Теперь правило четвертое: как бы вы ни спешили, никогда не передвигайтесь по пустыне днем, под прямыми лучами солнца. Далеко все равно не уйдете. Слишком велики будут потери воды. Берите пример с пустынных животных: днем они прячутся, впадают в анабиоз. Если вам посчастливилось наткнуться на предмет, дающий хоть небольшую тень, например скальный останец, забирайтесь в тень и передвигайтесь вслед за ней. Если не посчастливилось, ложитесь навзничь и постарайтесь максимально прикрыть тело всем, что у вас имеется, от прямых лучей. Но ни в коем случае не зарывайтесь в песок! Он высасывает воду из человека очень быстро. Ждите, пока солнце не опустится хотя бы до пятнадцати градусов над горизонтом. Тогда можно идти.

Правило пятое...

Очередная лекция по выживаемости в экстремальных условиях продолжалась уже больше часа. Лекторий Академии генштаба был заполнен до отказа, курс «школы выживания», подготовленный Селивановым, вызывал огромный интерес и пользовался доброй славой. Не умел Александр выполнять порученную ему работу плохо, даже в том случае, когда была она ему не слишком по душе. Да, Селиванов совершенно справедливо считал себя «практиком», и преподавательская стезя его не привлекала.

Но раз уж он вынужден ей заниматься, он сделает это на совесть.

– ... не забывайте о таком важном пищевом ресурсе, как насекомые. В их телах много белка и жиров, ловить их может даже безоружный и ослабевший от голода человек. Мы с вами не дети, поэтому реплики с мест типа «противно» я считаю несерьезными. Умирать от истощения еще противней. Вон, сам Иоанн Креститель, по свидетельству Писания, акридами питался. Акриды, к вашему сведению, это саранча. И ничего, очень крепкий был мужчина... Если вам встретился муравейник, очистите от коры веточку и воткните в него. Когда она покроется муравьями, выньте ее и вместе с муравьями – в рот. Медведь, обратите внимание, вон какой здоровенный, а очень любит так лакомиться. Питательные, значит! Но не увлекайтесь, не больше пригоршни лесных муравьев за сутки. Муравьиная кислота, содержащаяся в их брюшках, в больших количествах опасна. Можно почки подсадить.

Не так уж трудно поймать руками сидящую стрекозу. Обрываете крылья, все остальное – съедаете. В любом мелком пресноводном водоемчике, да хоть в бочажине, можно без труда выловить несколько крупных жуков-плавунцов или водолюбов. Да, они жесткие, хитиновый панцирь не угрызешь. Но зато из них получается превосходный питательный бульон, и варить недолго – три минуты. Если вас занесет в другие климатические пояса, то и там жуки водятся, воспользуйтесь моим советом в случае острой необходимости. Но запомните: ярко окрашенные жуки как пищевой ресурс не годятся. Они потому и окрашены ярко, что как бы предупре-

ждают: нас есть нельзя, мы – ядовитые! Используйте только однотонно окрашенных: черных, серых, коричневых.

Теперь о морском берегу поговорим, о приливной зоне. Это настоящая природная кладовая!

Слушатели Александра не с улицы в лекторий пришли, они были людьми тертыми и битыми, что такое выживать, знали не понаслышке, они в те еще переделки попадали. И все же узнавали из лекций Селиванова кое-что для себя новое и полезное. Понимали, что их преподаватель прекрасно знает свое ремесло, что в свое время он прошел эту самую «школу выживания» в самых разных точках – от Таджикистана до Никарагуа. У такого не грех поучиться!

– ...Усвойте самое главное: голод убивает человека за несколько недель, жажда – за несколько дней, а вот отчаяние и неверие в собственные силы – за несколько часов, а порой и минут. Никогда не отчаивайтесь! Помните: человек – самое приспособляемое животное на планете, мы даже серой крысе сто очков вперед дадим! Отчаяние туманит мозг, а это – самое сильное ваше оружие. Не теряйте хладнокровия. Как бы ситуация, в которую вы попали, ни была сложна и опасна, сначала подумайте, и только потом – действуйте. Но тогда уж – решительно. И все у вас получится. На следующей лекции я расскажу вам о приемах и правилах маскировки.

@int-20 = Он вышел на крыльцо здания лектория, достал из кармана полупустую сигаретную пачку. Курил Селиванов редко, но сейчас что-то захотелось подымить, отвлечься от невеселых мыслей. Слишком уж мутным было настроение.

Ему тридцать один год, он в самом расцвете сил, у него накопился немалый и весьма специфический опыт. Он боевой офицер и патриот своей страны. Он многое знает и умеет, может принести большую пользу. И что же? Читает лекции... Точно не осталось на планете горячих точек, где бы его навыки пригодились, где он был бы на своем месте, черт возьми! Подавать рапорта по команде? Пробовал... Но все его рапорта словно бы в черную дыру проваливались – ни ответа, ни привета. А в приватном разговоре один из новых сослуживцев по Академии генштаба прозрачно намекнул, что после того злосчастного инцидента он должен благодарить судьбу, что вообще «в рядах» оставили. Хоть ни тогда, ни сейчас никакой вины за собой Александр Селиванов не чувствовал, хоть тресни! Его просто убрали с глаз подальше, пожертвовали, словно пешку в гамбитном дебюте. Политика, ни дна б ей, ни покрывки! И вот он словно бы выкинут из жизни, занимается не своим делом... Грустно все это!

Настроение портилось все сильнее. Переоценивать себя опасно. Однако и недооценивать себя – признак отнюдь не скромности, а недалекого ума. А дураком Александр не был, и цену себе знал.

Как знал и то, что сожалеть об уже случившемся, есть себя поедом – занятие безнадежно глупое. Проку-то? Если бы, да кабы... вот переиграть бы... Чушь собачья: кому и когда помогало сослагательное наклонение?

Конечно, уместнее всего запастись терпением. Только никогда это свойство характера не отличало Александра Селиванова.

Кто-то потрогал его за плечо.

Селиванов резко обернулся. На крыльце рядом с ним стоял плотного телосложения мужчина лет шестидесяти, в неброском дорогом коричневом костюме и темных солнечных очках. Широкое лицо с чуть скошенным назад лбом. Тяжелая нижняя челюсть с выпирающим квадратным подбородком. Основательно поредевшие темно-русые волосы приморожены сединой. И хоть в штатском он, а сразу видна армейская выправка – в осанке, в характерном развороте плеч.

– Хочу поблагодарить вас за отличную лекцию, – низким рокочущим баритоном произнес мужчина. – Здорово у вас получается. Да и весь курс хорош. Даже я кое-что новое для себя открыл... Вы просто прирожденный преподаватель.

– Да-а? – Александр вяло улыбнулся. – Спасибо, конечно. А я вот только сейчас размышлял о том, что преподавательская работа не для меня.

«Хм-м... Кто же он? – промелькнуло у Селиванова. – Интересная у него оговорочка получилась: „Даже я...“ Определенно, где-то я этого человека видел!»

Александр представил себе этого плотного мужчину не в «гражданке», а в кителе с погонами на плечах, мысленно убрал с его лица солнцезащитные очки, надел на голову форменную фуражку... И узнал. Ага, вот это, оказывается, кто!

Генерал-майор Павел Николаевич Барецкий. Из ГРУ, из родного «аквариума», правда, совсем из другого подразделения. Аналитик. Но должность у него... Ох, до чего серьезная должность!.. Второй человек в секретариате управления.

Селиванов под началом Барецкого не служил, у Александра свои генералы имелись. Но видеться – да! – приходилось. И на учениях, и в коридорах конторы. Последний раз лет пять-шесть тому назад. А постарел генерал с тех пор... Даже брюшко появилось...

Да, полноватый, с пегим венчиком вокруг растущей лысины, лицом напоминающий гнома из мультяшки, почему-то сбритшего бороду. Одним словом, хочется улыбнуться ему, снисходительно похлопать по плечу и повернуться спиной... А вот последнего, думается, делать никак не следует.

Думается, кто спиной к нему поворачивался, потом до-о-олго об этом жалел. Или – жалеть не приходилось вовсе, не успевали...

И слышать про Барецкого доводилось Александру немало, заметной фигурой в их системе был Павел Николаевич.

Разного слышать, но больше хорошего, нежели плохого. Нетерпим к ошибкам подчиненных, резок, порой до грубости? Ну, в армии это грех для начальства вполне простительный. Лишь бы тупым самодуром не был, хотя такие в ГРУ просто не удерживаются. Не дурак выпить? А кто, скажите, дурак? Зато генерал не опереточный, которых развелось, как на Жучке блох, а боевой, настоящий.

Барецкий – это признавалось всеми в «аквариуме» – к своему званию и должности топал ножками, а не на лифте ехал. Со старших лейтенантов начинал, еще во времена Карибского кризиса. С той поры пороха он понюхал предостаточно, куда только ни заносила его служба. И горел, и тонул, и ранен был. Как хотите, а такая карьера вызывает заслуженное уважение. Ходили, правда, по управлению глухие слухи, что, дескать, потерял Барецкий с возрастом оперативную хватку... Но, во-первых, недоброжелателей и завистников у каждой из крупных фигур ГРУ хватало, а, во-вторых, – хотя бы и так! Есть в «аквариуме» народ с оперативной хваткой и помимо генерал-майора Барецкого, а вот много ли наберется с его опытом? Да и аналитиком он считался очень неплохим.

– Не для меня преподавательская работа, – повторил Александр и закончил, – товарищ генерал!

– Узнал, выходит? – Барецкий усмехнулся, поднял свои очки на лоб. – А я вот что-то тебя не припомню. Но я сразу понял, что ты волчара из нашей стаи.

– Был волчара, – с горечью сказал Селиванов, – да весь вышел. Теперь так... Вроде Красной Шапочки. Манной кашкой питаюсь, пирожки бабушке ношу. В смысле лекции читаю.

– Во-от как? – в голосе генерал-майора явно прозвучали сочувственные нотки. – А тебе, значит, манная кашка не в дугу, на мяско тянет? Понимаю... Сам такой был.

Селиванов внутренне подобрался: разговор начинал приобретать интересный оборот. Что, если это шанс? Барецкий в управлении немалый вес и авторитет имеет!

– Я ведь, товарищ генерал, практик! – горячо сказал он. – Перелистайте мое личное дело, убедитесь! Я ведь немало чего натворил, а сделал бы еще больше!..

Барецкий молча смотрел на Александра Селиванова, словно просчитывая что-то. Взгляд генерал-майора был пристальным, изучающим.

Он обмозговывал слова Селиванова.

И слова эти ему пришились по нраву.

– Ничего, что-нибудь придумаем, – успокаивающим тоном сказал Барецкий.

– «Что-нибудь» не надо, – неожиданно резко отозвался Александр. – «Что-нибудь» уже придумали.

– Ого! – рассмеялся генерал. – А ты колючий, палец в рот не клади. Что ж, отлично. Мне это нравится. Так, говоришь, практик? Навыки не растерял, ничего не забыл? Из ... э-э ... практики?

– А вы приезжайте на полигон, Павел Николаевич, – скромно сказал Александр. – Мне самому себя нахваливать как-то неловко. Лучше вы своими глазами посмотрите.

Широкая снисходительная улыбка озарила лицо генерал-майора, его брови сошлись, образовав выпуклые холмики.

– А почему бы и нет? Посмотрю...

Глава 5

Благодаря стараниям удравшего на Запад Виктора Суворова, который на самом деле Резун, о стеклобетонном кубе «Аквариума» знают во всем мире. Но ГРУ не только и не столько там располагается...

Вот кто бы мог подумать, что под скромненькой вывеской «АООТ ЗАГОТЗЕРНО» скрывается один из филиалов этой замечательной организации? Дверь, правда, характерная: полусантиметровая сталь, тройной ригельный замок, оснащенный сенсорным приводом, сверху – глазки встроенных телекамер... Просто так не войдешь! Любопытно, какое зерно за такой дверкой заготавливают...

Генерал-майор Павел Николаевич Барецкий вел оперативное совещание уверенно и внешне спокойно. Но его лицо, широкое, толстошее, выражало все более явное неудовлетворение и недовольство.

Да и вообще, было в этом оперативном совещании что-то, на удивление напоминающее другое совещание, в штаб-квартире Би-би-си. Нет, не паника, конечно. Тут собрались люди военные, им паниковать по уставу не положено. Но вот чувство тоскливого уныния ощущалось вполне.

На экране большого демонстрационного монитора перед совещающимися высвечивалась крупномасштабная карта Абхазии с примыкающими территориями Краснодарского края и Республики Грузия. Сухумский, Гагрский, Гудаутский, Ткурачальский и другие районы Абхазии были выделены на карте разными цветами, а около городов Сухуми, Очамчира и Бзыпи стояли столбики цифр и условные значки, понятные лишь посвященным. Многие бы дали грузинское командование за возможность поглядеть на эту карту! Но нет, файлы ГРУ защищены надежно, никакому хакеру не взломать!

– У нас есть сведения, – обратился к Барецкому высокий моложавый военный с подполковничьими погонами, – что с ним ушло не меньше трех десятков человек. И не просто срочников, а настоящих командос. Это немалая сила! Но мы ничего не можем знать наверняка. Остается отслеживать ситуацию. Ждать, пока они проявятся.

– Мало просто отслеживать! – с раздражением сказал генерал-майор. – Надо что-то делать! Ждать... Дождемся! Вы только представьте, каких дров он может там наломать! А кому расхлебывать придется? Нам, больше некому. Бог мой, ну до чего же некстати! Еще раз: представьте, что случится, если...

Собравшиеся на совещание военные выслушали короткую, но эмоциональную речь своего начальника. Представили. И стало им совсем нехорошо.

Дело в том, что вот уже месяц, как стало известно: капитан Андрей Федорович Василевский, служивший миротворцем в Абхазии, самовольно покинул расположение воинской части. А теперь выясняется, что его примеру последовало, как минимум, три десятка спецназовцев. И все они бесследно исчезли, точно в воду канули.

Пикантность ситуации еще в том, что до известного инцидента, после которого капитан Василевский оказался в Сухуми, он служил в одном из диверсионно-разведывательных подразделений ГРУ. А возглавлял это подразделение как раз генерал-майор Павел Николаевич Барецкий! Лично встречаться со своим бывшим подчиненным генералу не доводилось, но наслышан о Василевском он был, и возможности Андрея представлял прекрасно. Более чем серьезные возможности!

Капитан Андрей Василевский сравнительно молод: ему тридцать два года. Что называется, в расцвете сил. При этом у него большой боевой опыт. Он прекрасно умеет драться в горах, и не только в горах. Андрей прошел такие «университеты» в нескольких «горячих точках», что никому мало не покажется. Это диверсант-спецназовец широкого профиля, с отлич-

ной выучкой. Он умен, хитер, необыкновенно удачлив, он превосходно знает методы своих бывших коллег. Все это, с учетом почти полного паралича местных властей, с учетом – называя вещи своими именами! – бардака, царящего в Абхазии, делает вышедшего из-под контроля Андрея Василевского крайне опасным.

В перспективе тлеющего, а потому взрывоопасного грузино-абхазского конфликта действия Василевского могут вызвать непредсказуемые последствия. Тем более что никому толком не известна ни причина, по которой капитан покинул ряды российских миротворцев, ни то, что он собирается предпринять дальше. Кто знает, что взбредет ему в голову? Словом, пока дело не зашло слишком далеко, капитана Василевского необходимо остановить. Любыми, вплоть до самых жестких, средствами.

А как его остановишь, если совершенно непонятно, где и почему он скрывается?!

Ну, относительно «почему» имелись у генерал-майора свои соображения. И весьма правдоподобные.

«После злосчастного инцидента с грузинскими спецназовцами, – невесело рассуждал сам с собой Барецкий, – капитан Василевский решил, что его, как говорится, сдали. Мужик он гордый и обидчивый. Вот, значит, и обиделся на руководство ГРУ, то есть – на нас. Посчитал, что его предали. Поэтому и вышел из-под контроля. Я такие импульсивные натуры знаю, насмотрелся. Мало того, я Василевского хотя и не оправдываю, но в чем-то понять могу. Недаром после того, как грузины весь его отряд положили, а мы тут мямлили нечто маловразумительное, я на себе косые взгляды своих же офицеров ловил. Мы военные, а не политики. Однако на Кавказе сейчас правит бал большая политика. И что для нее судьбы и доброе имя двух десятков человек и их командира? Звук пустой...»

Но вояки, подобные Василевскому, с таким положением вещей соглашаться не хотят, и обид не прощают. Слишком серьезную закалку прошли их характеры. А Василевский, по моим сведениям, изначально был склонен к махновщине. Получается, что капитан организовал нечто вроде бандформирования. Ох, до чего слово противное, но кошку надо называть кошкой. Даже если на нее наступишь... А службу в нашем миротворческом контингенте он использовал для шлифовки и доведения до ума заранее подготовленного плана, который потом и воплотил в жизнь. Кроме того, нанять себе соратников среди этого контингента – раз плюнуть. И теперь Василевский – изгой, которого придется травить, как волка. Неприятно все это до крайней степени, до тошноты!..»

Пойди, кстати, затрави! Достаточно внимательно приглядеться к карте Абхазии, как становится понятно: задача не из легких.

Да, площадь сравнительно небольшая. Всего-то восемь с половиной тысяч квадратных километров. С запада на восток – сто шестьдесят километров, с юга на север и того меньше – жалкая полусотня, час езды, даже по горным дорогам.

Но зато вся эта территория, которая куда меньше почти всех областей центральной России, густо поросла субтропическим широколиственным лесом, пронизана системой мелких речек, впадающих в Черное море, таких, как Псоу, Гумиста, Кодор. Добавить еще благословенный мягкий климат, позволяющий человеку даже зимой не страдать от холода. Плюс к тому разветвленные комплексы карстовых пещер.

По-настоящему высоких гор здесь нет, это не Северный Кавказ, самая высокая точка Абхазии – Домбай-Ульген, около четырех тысяч метров. Зато много распадков, ущелий, горных речек с поросшим колючим кустарником берегами, дремучих лесных урочищ, выходящих прямо на побережье и сплетающихся в запутанную сеть. Словом, ловить здесь кого-либо, тем более человека опытного, – это сущее наказание господнее. А вот прятаться, напротив, легко и просто. Этот край идеально подходит для действий небольшой и мобильной группы вооруженных людей.

Плохо еще и то, что постоянной агентурной сети в Абхазии у ГРУ сейчас нет. Те, кто остался, надежно законсервированы, легли на дно, и светить этих людей никто не позволит. Откуда информацию получать? А без точной информации затевать какие-то оперативные мероприятия не только глупо, но и опасно.

Невеселые размышления генерала Барецкого прервал голос сидящего по другую сторону стола немолодого полковника:

– Мы получили информацию из двух независимых источников. Она настораживает. Нехорошие известия. С определенной – высокой! – степенью вероятности можно предполагать, что исчезновение съемочной группы канала «Дискавери» дело Андрея Василевского и его людей.

Генерал чуть вслух не выругался, услышав такое! Как же, был Павел Николаевич в курсе этого тухлого дела. Пропали двое подданных британской короны, Джулиана Хаттерфорд и Майкл Белчер. Именно там и пропали, где, вероятнее всего, действует дикий отряд Василевского. И если англичане сумеют найти доказательства... Совсем погано дело обернется! Значит, нужно как-то форсировать поиски беглого капитана Василевского. Только вот как?!

Моложавый подполковник, предлагавший «отслеживать ситуацию», словно бы прочел мысли своего начальника.

– А ведь капитан Василевский тогда спасся не один, – задумчиво, тихо проговорил подполковник. – Двое спаслись из всего отряда. Был еще человек, которому повезло. Александр Селиванов. Они с Василевским не то, что друзья, но... Боевые товарищи. Тут что интересно: когда-то, лет шесть тому назад, Селиванов служил под моим командованием. Недолго, около полугода. Так что я Александра чуточку знаю. И очень высоко его ценю. А совсем недавно я его встретил в Академии генштаба. И что же? Такой рубака, сорвиголова, а на кабинетной работе штаны протирает. Лекции читает! Ведь храбрец отчаянный, настоящий орел... Я вот думаю: нельзя ли как-нибудь использовать его знакомство с Василевским, их приятельские отношения? Может быть...

– Стоп! – прищурившись, прервал его генерал-майор. – Это какой Селиванов? Который в Академии генштаба лекции по выживанию в экстремальных условиях читает? Среднего роста, крепыш такой, волосы темные, а на висках сединка прорезается? И глаза характерные, серо-зеленые, дерзкие такие? Хм-м-м... Забавно! Я с ним позавчера случайно познакомился.

Барецкий замолчал, припоминая, как на крыльце Академии генштаба беседовал с понаравившимся ему молодым лектором.

– Орел, говоришь? – задумчиво произнес Павел Николаевич, обращаясь скорее к самому себе. – Ну что же, посмотрим, какой он орел!..

«Лектор из него, действительно, хороший, – продолжал Барецкий про себя. – И сразу видно, много где парень побывал, и много чего хлебнул. Но! Надо посмотреть, каков он в деле. Полигон? Отчего же нет... Вот на полигоне и поглядим. На орла... Может получится интересная комбинация!»

И в голове генерал-майора Барецкого постепенно начала складываться схема операции: как использовать одного спецназовца против другого. Александра Селиванова против Андрея Василевского.

Цель операции? Самая простая: найти и...

Да, уничтожить. Нет человека – нет проблемы. Так еще учил Иосиф Первый, он же – последний.

Глава 6

Джулиана Хаттерфорд сидела в удобном кресле, ножки которого утопали в пестром ковре, покрывавшем весь пол небольшой пещеры или, если угодно, большого грота. Потолок пещеры искрился в ярком свете люминесцентных ламп вкраплениями кристаллического кварца, стены были задрапированы плотной, похожей на бархат тканью ярко-карминного цвета. Вдоль стен расставлены низкие диванчики – оттоманки. Все это создавало ощущение некой нереальности, варварской роскоши, совершенно неуместной здесь, в сердце новофонского карстового комплекса. Точно в сказку из «Тысячи и одной ночи» она попала, в пещеру Аладдина, или к графу Монте-Кристо в гости!

«Ну, относительно „в гости“, это как сказать, – подумала Джулиана. – Гостей принято приглашать несколькими иными способами и насильно не удерживать. Но вот голодом меня здесь морить не собираются, это уж совершенно точно. А вкусно-то как!»

Перед ней на низеньком полированном столике стояло большое блюдо с кусками жаренной на вертеле молодой баранины. Куски мяса, источающие восхитительный аромат, были обильно посыпаны мелко рубленой зеленью: кориандром, базиликом, черемшой и нежной весенней крапивой. Гарниром к жареной баранине служила ахъачапа – вареные каштаны, сдобренные острой аджикой и грецкими орехами. Рядом, в глубокой керамической миске, зеленел своеобразный абхазский салат из стручков недозрелой фасоли, листьев кольраби и свекольной ботвы, заправленный ахарцвы – сквашенным буйволиным молоком. В бело-зеленой массе салата сверкали, точно искорки, красные ягодки барбариса, отсвечивали насыщенной желтизной половинки плодов алычи.

А ведь еще были на столе копченые цыплята в ореховом соусе и жареная форель с черноморскими мидиями, которые любым устрицам сто очков вперед дадут.

Словом, настоящий праздник для гурмана и ценителя кавказской кухни! В двух высоких бокалах переливалось ало-розовым цветом молодое домашнее вино. Да, в ресторанах Лондона такого не попробуешь!

Джулиана с явным удовольствием сделала большой глоток вина, поднесла ко рту чурек из кукурузной муки, покрытый толстым слоем пастообразного козьего сыра. Некоторое время она молчала, наслаждаясь изумительным вкусом, а затем подняла глаза на сидящего напротив мужчину и сказала по-русски, правильно и бегло, разве что немного путаясь в ударениях:

– Ваше угощение, Эндрю, свыше всяческих похвал! Я весьма признательна вам, люблю хорошо поесть. И, как видите, даже в столь сложной для себя ситуации не теряю аппетита. А ситуация, согласитесь, очень непростая. Замечу, кстати, что она обязательно станет сложной и для вас. Мои соотечественники резко отрицательно относятся к непонятным исчезновениям подданных британской короны. Это значит, что из ситуации, которую вы же сами и создали, вам будет весьма нелегко выйти. Так, может быть, имеет смысл прояснить ее?

Голос англичанки звучал ровно и совершенно спокойно.

Да, наследница старинного рода Хаттерфордов отличалась завидным самообладанием! Ведь в первый раз она увидела лицо человека, сидящего напротив, в более чем драматической обстановке. В луче своего фонаря, среди треска автоматных выстрелов и пороховой гари. Каждая подробность их первой встречи намертво отпечаталась в памяти англичанки.

И она по-прежнему ничего не знала о нем. Разве только, что он, по его собственным словам, русский. Это было похоже на правду. И что зовут его Андрей Василевский.

Внешне этот мужчина в пятнистом камуфляжном комбинезоне скорее нравился молодой англичанке, чем нет.

Загорелое лицо отличной лепки, с высоким лбом, от правой брови к уху идет небольшой шрам. Над полной верхней губой – аккуратная щеточка пшеничных усов. И волосы тоже

светлые, выгоревшие на солнце до соломенной желтизны, очень коротко стриженные. Виски покрыты сеткой голубых жилок, кожа, казалось, прилегала на голове прямо к сухим костям черепа. Из-под густых белесоватых бровей внимательно смотрели глубоко посаженные глаза цвета пасмурного неба.

У него была странно обаятельная наружность, хотя, присмотревшись к нему поближе, Джулиана обнаружила вокруг его серых глаз суровые морщинки. Да, если такой человек разозлится...

Он улыбнулся. Зубы у него были как у молодого пса, белые и острые.

По крайней мере, пока все в нем дышало невозмутимостью и спокойствием. А главное, чувствовалась вокруг Андрея Василевского характерная, хотя и трудно определяемая словами аура тайны, властности и некоего неуловимого превосходства, которая всегда окутывает людей необыкновенных. Недаром Джулиана сразу признала в нем командира. Вот понять бы еще ей, командира... чего?

Он некоторое время молчал, как бы обдумывая слова Джулианы и пристально глядя ей в глаза. Хаттерфорд взгляда не отводила. Тишину нарушало лишь басовитое гудение дизель-генератора в соседнем пещерном зале. Кабель от генератора шел к распределительному щитку на стене уютной пещерки с ковром на полу, вот откуда электрическое освещение! И еще чуть слышно потрескивали две мощные инфракрасные лампы, согревающие подземный воздух. Да еще откуда-то из-за стенки пещеры доносилось журчание бегущей воды.

– А устроено у вас здесь все очень неплохо, – тихо продолжила Джулиана, разрывая затянувшуюся паузу. – Надо же, какой комфорт!.. Впечатляет... Я полагаю, что этот экзотический антураж стоит немалых денег. Кто же вы такой, хотелось бы знать? На вульгарного бандита вы как-то не похожи...

– Благодарю. И заверяю – я не бандит. Вас, миссис Хаттерфорд, не затрудняет то, что мы разговариваем на русском языке? – Василевский поднял бокал, наполненный вином, некоторое время сосредоточенно рассматривал розовую жидкость, словно обдумывая следующую фразу. – Я ведь весьма неплохо владею английским, так что, если вы пожелаете, мы можем перейти на ваш родной язык.

– Стоит ли? – пожала плечами Джулиана. – Мы прекрасно понимаем друг друга, а языковая практика пойдет мне только на пользу. Должна же я иметь какую-то выгоду в моем идиотском положении? Помимо вашей роскошной кухни, конечно... В лингвистическом смысле – я правильно выражаюсь, нет? – мне все понятно, зато во всех остальных... Кстати, с вашего позволения, все-таки «мисс». И замуж пока не собираюсь.

«Ишь ты ... Русскому тебя, голубка, учили хорошо, – отметил про себя Василевский. Очень, кстати, любопытно: где тебя учили? Даже в Итоне, Оксфорде или Кембридже язык родных осин на таком уровне не преподают... На интересные размышления, однако, наводит!»

Андрей слабо усмехнулся.

– Я, собственно, и собирался объясниться, – сказал он, опустив глаза. – Боюсь, что ваш спутник и помощник погиб. Нет, ни я, ни мои люди не имеем к этому никакого отношения. Но и найти его мы не смогли. Хотя, поверьте, очень старались. А без пищи, без источника света... Я от души надеюсь, что вашему Майклу повезет, но верю в такое везение слабо. Слишком много времени прошло! Он ведь горожанин, да?

Джулиана кивнула. Глаза ее потемнели – англичанка подозревала, что Белчеру уготована печальная судьба, но одно дело – подозревать, а другое – почти что увериться в таком печальном обороте событий.

– Вот вы бы, мисс Хаттерфорд, выжили, – задумчиво протянул Василевский, – а он... Сомневаюсь. Я искренне сожалею об этом! А еще больше я сожалею о том, что вынужден задержать вас здесь на... На, скажем так, неопределенное время.

– Вот даже как? – губы Джулианы вдруг сделались чужими и непослушными. – Эндрю, давайте еще раз вспомним: я подданная ее величества Елизаветы второй. Я представляю телеканал «Дискавери», наконец, я представляю Би-би-си. А вот кого представляете вы?

Василевский попытался улыбнуться, но улыбка его получилась скорее похожей на досадливую гримасу. Однако тон его оставался по-прежнему безукоризненно вежливым и корректным:

– Кто я такой и какие структуры представляю, вы скоро узнаете. Наберитесь терпения. У вас просто нет иного выхода.

– Но почему?! – ее голос завибрировал, Джулиану буквально трясло от возмущения. – Почему вы вообще насильно удерживаете меня здесь, зачем я вам нужна? Ладно, вы и ваши люди, да будьте вы кем угодно! А кто я-то, в конце концов, такая? Пленная? Заложница? Каков мой статус?

– Давайте так – без лишних слов, затей и реверансов. Вы не пленная и не заложница. Вы человек, который увидел лишнее, – чуть приподняв уголки губ, и тем снова обозначив улыбку, сказал Андрей Василевский. – Именно поэтому я вынужден удерживать вас здесь. Что до статуса... Можете считать себя моей гостьей. Разве я плохо принимаю вас, Джулиана? Вы меня поняли? Ну вот и хорошо.

«Лишнее»? – подумала Джулиана, усилием воли сдерживая рвущийся с губ резкий ответ. К горлу подкатил комок, но тем же усилием она сумела проглотить его. – Это что же? Ничего, кроме штабеля непонятных зеленых ящиков мы с Майклом увидеть не успели. Значит, они – это самое «лишнее» и есть!»

– Хорошего мало... И как долго мне придется торчать здесь? – англичанка сознательно проговорила эти слова усталым и безнадежным голосом, как бы показывая хозяину уютной пещерки: она смиряется с неизбежным. Хотя, на самом-то деле, смиряться Джулиана Хаттерфорд отнюдь не собиралась! Но актрисой она оказалась отличной, и свое отчаяние сыграла вполне убедительно.

– Пока не знаю, – с тщательно спрятанной злостью ответил Василевский, которого этот разговор начинал утомлять. – Время покажет!.. И я обещаю вам определенную компенсацию. Нет, не в денежном выражении, я знаю, что денег у меня вы не возьмете. Но вы ведь тележурналистка, так? Возможно, что вы получите для своего канала уникальный, эксклюзивный материал. Подлинную сенсацию. Только не спрашивайте меня, когда это случится. Вскоре. Вот, кстати... Из ваших слов я понял, что ваш помощник не имел никакого спелеологического опыта, что он попал в пещеры чуть ли не впервые в жизни. Это одна из причин, по которым я почти не сомневаюсь в его печальной судьбе. А как обстоит дело с вами? Вы бывалый спелеолог? Оборудование и экипировка у вас вполне профессиональные.

Его губы, все это время остававшиеся искривленными, словно он ощущал во рту какую-то легкую горечь, чуть усмехнулись.

Да, Джулиана Хаттерфорд была опытным спелеологом. Только вот говорить об этом Василевскому она отнюдь не собиралась! Гораздо выгоднее, если удерживающий ее человек будет полагать, что она такой же новичок в спелеологии, как пропавший неизвестно где Майкл Белчер. Что она дилетант. Это может дать ей в будущем некоторые козыри, которых так недостает!

– Ну, что вы, Эндрю! – воскликнула Джулиана, стараясь, чтобы ее слова прозвучали максимально убедительно. – Откуда бы мне профессионально разбираться в спелеологии? Знали бы вы, как я боялась спускаться в эти громадные мрачные пещеры! Но, что поделать, это моя работа. Я ведь режиссер и продюсер. За хорошим видеорядом готова хоть в преисподнюю спуститься. Зато телезрители нашего канала остались бы довольны: экзотика, знаете ли! И мой рейтинг в корпорации ощутимо повысился бы. А что касается амуниции, экипировки и прочего, – она пошевелила пальцами, пытаясь подобрать подходящее русское слово, но вынуж-

дена была перейти на родной язык, – equipment, – то все это для меня подготовили еще в Лондоне. И там же научили всем этим немного пользоваться. Но в одиночку я в пещерах оказалась бы совершенно беспомощна. Если бы вы тогда не удержали меня, если бы я, как несчастный Майкл, нырнула бы куда-нибудь в темноту, то... Боюсь, что я разделила бы его печальную судьбу!

«Пожалуй, она не врет! – решил Василевский. – В самом деле, где бы молодая английская журналистка могла приобрести практические навыки в спелеологии? Это не теннис, не гольф и не крикет, это занятие суровое и опасное, оно для мужчин. Что ж, одной заботой меньше. А вот с печальной судьбой ее спутника... Ведь труп оператора никто из моих людей не видел! А я дорого дал бы, чтобы быть стопроцентно уверенным в его гибели!»

А вслух Василевский сказал, пристально глядя в глаза своей гостье-пленнице и наливая ей еще один бокал вина:

– Я надеюсь, мисс Хаттерфорд, что вы проявите благоразумие и не будете пытаться бежать отсюда. Нет, конечно, здесь, у входа в ваше временное жилье, я выставлю постоянный пост. Но дело даже не в нем! Охранника вы еще могли бы подкупить, соблазнить, перехитрить, обмануть, но пещеры-то вам обмануть не удастся, вот что поймите! Не обладая определенными навыками и не имея подробной карты, выбраться из этого подземного лабиринта практически невозможно. Так что без глупостей: не предпринимайте попыток удрать, только погибнете зря. Я убедил вас?

– Убедили, – с тяжелым вздохом ответила Джулиана, стараясь не показать собеседнику, что на самом-то деле очень довольна. – Я поняла. Вы правы, Эндрю. У меня просто нет выбора!

Она выпила вино и опустила взгляд вниз, чтобы Василевский не заметил озорных искорок, заплывавших в ее глазах.

«Значит, ты уверен, что пещеры мне обмануть не удастся? – подумала Джулиана. – Ну-ну... Как это у вас, русских, говорится? Что-то вроде: пожилая леди сказала, что может быть и так, и совсем по-другому. А карта у меня есть, обыскивал ты меня не слишком тщательно!»

Глава 7

На самом юге Москвы, если проехать насквозь Битцевский лесопарк и пересечь МКАД, можно, повернув направо, оказаться на не слишком приметной, но хорошо наезженной грунтовой дороге. Вдоль дороги – березняк с осинником, заросли дикого шиповника и ежевики, и – вот что интересно! – хоть бы один новорусский коттедж или дача. Совсем рядом, по основной битцевской трассе, их полным-полно понастроено, модным стало у наших разбогатевших сограждан строиться в таких местах. А вокруг боковой грунтовки, – вроде бы совсем нетронутая природа! Птицы поют, пчелы со шмелями жужжат над цветущим шиповником, ни прохожих, ни машин, словом – благодать!

Только вот если какой-нибудь любитель подмосковной природы двинется по этой дороге, то ни пройти, ни проехать далеко ему не удастся. Через триста метров он наткнется на внушительный автоматический шлагбаум с грозной табличкой: «Стоять! Запретная зона!» А рядом со шлагбаумом, в будке, можно увидеть двух крепких неразговорчивых парней в камуфляже без знаков различия, но с десантными «кедрами» последней модели на ремнях. После чего любителю вежливо, но непреклонно посоветуют поворачивать оглобли, причем побыстрее.

А еще через триста метров за шлагбаумом дорога упрется в массивные ворота, на которых опять же никаких опознавательных знаков не наблюдается. Зато имеется двухэтажное строение КПП с тарелкой спутниковой антенны на крыше. Там, на КПП, несут службу такие же мощные ребята, только числом поболее: пятеро.

За воротами – территория площадью с десять футбольных полей, причем огорожена она бетонным забором высотой в два человеческих роста. Да еще и спираль Бруно поверх забора пущена. Плюс системы объемных и инфракрасных датчиков по всему периметру, мимо которых в прямом смысле слова мышшь не прошмыгнет. А внутри периметра разбросаны среди зелени многочисленные строения мрачного серого цвета, иные с решетками на окнах, иные – вовсе без окон. И еще всякого рода интересные инженерные сооружения: например, сеть окопов полного профиля, стрельбище с автоматическим подъемом мишеней и полоса препятствий, но не такая, как в обычной воинской части, а особенная, повышенной сложности.

В громадном приземистом гараже – боевая техника на любой вкус. Тут и бэтээры разных моделей, и БРДМ-2РХ, и несколько самых современных танков производства разных стран, и нечто совсем уж непонятное, но очень грозного вида.

Сразу понятно, что штатскому человеку делать за такими воротами нечего. Но и военного сюда пропустят далеко не каждого, вне зависимости от должности и звания!

Потому что эта огороженная и тщательно охраняемая территория была одним из учебно-тренировочных полигонов ГРУ МО России. И допускались сюда только те люди, которым это по службе положено, а служба эта – очень специфическая!

Офицерам, преподававшим в Академии генштаба, сдавать время от времени зачеты на хитром полигоне учебно-тренировочного центра было как раз положено. Чтобы жирком не покрывались и боевых навыков не забывали.

Вот и сегодня четверо крепких молодых мужчин в десантных комбинезонах проходили под наблюдением инструктора усложненную полосу препятствий. Двое уже «отмучились», с трудом уложившись в норматив, сейчас на линию старта вышел Александр Селиванов.

«Пошел!» – инструктор дал отмашку и включил секундомер.

Эту полосу Александр проходил не в первый раз и неплохо знал все ее коварные сюрпризы. Но легче она от этого не становилась...

Селиванов быстрым, все ускоряющимся бегом приблизился к вертикальной бревенчатой стенке с отверстием окна на уровне третьего этажа. А теперь, используя инерцию, по стенке вверх! Толчок правой ногой – и вот он уже забросил тело в «оконный» проем. Не теряя ни

секунды, Александр сгруппировался, проделал кувырок вперед и приземлился на полусогнутые ноги в полутора метрах уже по ту сторону стенки. Точно на самый краешек рва с водой. Ширина рва – четыре метра. Ну, еще один толчок! Лишь бы связки выдержали...

Связки у Селиванова оказались крепкими. Теперь нырок под колючую проволоку, и попластунски вперед! Ряды проволоки над головой казались бесконечными. Нет, ну как же низко она натянута сегодня! Приходится буквально вжиматься в землю, иначе зацепит комбинезон, и застрянешь под ней, точно рыба на крючке перемета. Ага! Наконец-то!

«Не разучился еще, – отстранено подумал Александр, вспрыгивая на бревно, которое, раскачиваясь, висело на подвесках над таким же, как первый, рвом. – Теперь главное – не потерять балансировку. И успеть набрать скорость на этом проклятом бревне! Впереди – огонь! Так... Еще чуточку... Еще шаг, чтобы выйти на толчковую... Пора!»

Сразу за подвесным бревном на трехметровом стальном листе был разлит полыхающий напалм. Гудящее пламя вставало выше человеческого роста. Тут вся штука в том, чтобы пролететь сквозь огненную завесу достаточно быстро, иначе можно и шевелюры лишиться! Импульс, набранный Селивановым на балансире, оказался достаточным. Темная фигура спецназовца с вытянутыми вперед руками пронзила языки пламени. В лицо ударило палящим жаром, но стена огня осталась позади! Александр спассировал падение, перекатился и распрямился, словно пружина. Теперь пробежка по песчаной горке с уклоном в сорок пять градусов. Едва ли не самое сложное... Песок под берцами оползал, становилось все труднее поддерживать размеренный ритм дыхания...

Получасом ранее в ворота полигона въехала черная служебная «Волга». И хотя ее пассажира на КПП прекрасно знали в лицо, но документы у него и его шофера все же проверили: порядок есть порядок!

Кто-кто, а генерал-майор ГРУ Барецкий бывать здесь имел полное право. Павел Николаевич не имел обыкновения откладывать дела в долгий ящик: после короткого разговора с Александром Селивановым на крылечке Академии генштаба, а пуще того после упоминания об этом человеке на оперативном совещании, он решил посмотреть на Александра в деле. Выяснить, когда Селиванов будет «работать» на полигоне, труда для генерала не составило. И вот Павел Николаевич здесь. И смотрит. Очень внимательно...

Рядом с генерал-майором стоял и столь же внимательно смотрел на проходящего полосу препятствий Александра невысокий угловатый мужчина лет пятидесяти, с удлиненным не улыбочивым лицом и прилизанными черными волосами, на висках тронутыми сединой. На мужчине была полевая форма с погонами полковника. Начальник полигона Семен Васильевич Тарасов.

По некоторым деталям поведения становилось очевидно: эти двое знают друг друга давно, хорошо и находятся в приятельских отношениях. Сейчас они негромко переговаривались между собой.

Селиванов, меж тем, преодолел, наконец, песчаный откос. Теперь прыжок вниз с шестиметровой высоты... Оп-паньки! Он упал мягко, как кошка, спружинив руками и ногами, двумя перекатами через плечо ушел с линии стрельбы воображаемого противника, одновременно выхватывая из чехла, подвешенного к поясному ремню, малую саперную лопатку. В десяти метрах от Селиванова торчал деревянный столб с пятисантиметровым красным кружком посередине. Неуловимый взмах правой руки, и лезвие лопатки вонзилось точно в середину мишени! Вот и все, полоса пройдена!

– Что скажите, капитан? – спросил Барецкий подошедшего к ним инструктора и указал рукой на Александра.

– Что тут скажешь, товарищ генерал... – развел руками тот. – Штрафных очков – ноль, а время прохождения лучше, чем у меня самого. Мне нечему его учить, как бы не наоборот: у него поучиться следует!

– А как он нож метает! – со сдержанным восхищением произнес полковник Тарасов. – В прошлый раз вообще цирковой трюк показал, уж на что меня удивить трудно! Представьте, Павел Николаевич, берет этот Селиванов десантно-штурмовой нож за кончик лезвия и отвесно роняет его рукояткой вниз. До мишени – восемь метров! И он подбивает падающий нож носком берца по рукоятке. Точно в середину мишени попал, да так, что нож потом еле вытащили!

– М-да... – покачал головой Барецкий. – Прямо Рембо какой-то, отечественной выделки. А как у него с огнестрельным?

– Они сейчас как раз на стрельбище пошли, – ответил начальник полигона. – Пойдемте, полюбуемся...

Александр ожидал своей очереди на огневой рубеж и оживленно беседовал с инструктором по стрелковому оружию, кряжистым светлоглазым мужчиной. Барецкий, подходя к ним, расслышал лишь окончание спора.

– ... А я тебе скажу, Паша, – слышался спокойный голос Александра, – что «АКС-74у» продуман неважно. Смотри: автомат не предназначен для стрельбы дальше, чем на двести – триста метров...

– Можно и на пятьсот, и дальше, – возразил ему инструктор.

– Можно, – кивнул Александр, – но совершенно бессмысленно. У него огромный разброс. Он «плюется», да еще и перегревается. Это, Пашенька, оружие для ближнего боя, но тогда зачем такой мощный по энергетике патрон? Такой патрон хорош для длинноствольного оружия, для пехоты, а не для диверсионного спецназа. А так что мы имеем? Такой мощный боеприпас используется только на короткой дистанции. Это неразумно.

Генерал-майор довольно кивнул: он был абсолютно согласен с мнением Селиванова. Надо же, парень и соображать умеет очень неплохо! А ну-ка...

– Здравствуй, Александр!

– Здравствуйте, товарищ генерал! – казалось, Селиванов ничуть не удивился появлению Барецкого, но в глазах его вспыхнул огонек. Александр догадался, зачем здесь генерал-майор. Вот они последствия того разговора после лекции! Ему вроде как смотрины устраивают...

– Какое бы оружие ты выбрал для себя? – спросил Барецкий. – Ну, скажем, из отечественных пистолетов?

Селиванов некоторое время молчал, раздумывая, а затем уверенно сказал:

– «Бердыш». Замечательный пистолет Стечкин разработал! Три сменных ствола под три разных калибра: «ТТ», патрон «парабеллум» и нашу девятку, причем и обычный, и усиленный. Допустим, мне нужно достать противника в бронежилете. Отлично! В течение нескольких секунд я меняю ствол, ставлю патрон «ТТ». Пятнадцать патронов в магазине, три магазина с собой, и я вооружен на маленькую войну. В другой ситуации можно поставить обычный пээмовский патрон и действовать с ним. Третий ствол удлиненный. В этом варианте, с одной стороны, он даст большую точность, с другой – можно навинтить глушитель. Да, такое оружие я хотел бы иметь!

– А из импортных моделей? – продолжал Павел Николаевич.

– Хм-м... «Чезет-775» в обычном варианте или компактный. Хорошее оружие «беретта-92», но оно тяжеловато, им нелегко управлять.

– Да-а, – с уважением протянул генерал, – губа у тебя не дура, и вкус отменный. А если, скажем, штурмовая акция? Или, наоборот, тебя штурмуют? Даю вводную: тебе необходимо перекрыть плотным огнем около ста квадратных метров. Расстояние до противника – триста метров. Что выберешь?

– Я бы взял, – вновь подумав немного, ответил Александр, – тяжелый пистолет-пулемет, скорее, это был бы «бизон». Есть еще такая новая разработка, тоже на девять миллиметров, малогабаритный, называется «вихрь». Говорят, что по эффективности стрельбы и надежности

работы это нечто потрясающее. Но я про такую машинку только слышал, самому в руках держать не приходилось.

– Вот сейчас и поддержишь! – усмехнулся генерал и повернулся к начальнику полигона: Есть у тебя в хозяйстве такие автоматы? Ах, у тебя все есть... Отлично! Распорядись, чтобы принесли.

«Что касается теории стрелкового оружия и тактики его применения, – подумал Барецкий, – тут ты профессор, тут ты, пожалуй, меня, старика, за пояс заткнешь. Посмотрим, как отстреляешься!»

– А два «вихря» можно? – словно прочитав генеральские мысли, негромко спросил Селиванов. – Хочу один фокус показать!

«Раз уж выпал такой шанс, – думал он, – так надо его использовать на всю катушку. Показать все, на что способен. Надо его удивить!»

– Фокус? – переспросил Павел Николаевич. – А что ж... Мне тут малость порассказали, какой ты фокусник! Давай два...

Минут пять Селиванов внимательно изучал принесенное оружие, восхищенно поцокивая языком. Ох, до чего ж машинка замечательная! А главное – легкая: со снаряженным магазином на двадцать патронов весит не более двух с половиной килограмм. Славно! Вот это мы как раз используем, что легкая, а руки у нас крепкие.

– Товарищ полковник! – обратился он к начальнику полигона. – Распорядитесь, чтобы были готовы поднять две поясные мишени по вашей отмашке. Сколько отсюда до мишеней? Триста пятьдесят метров? Подойдет. И между ними метров тридцать, да? Отлично. Я повернусь к мишенному ровику спиной, когда буду готов, крикну вам. Тогда и давайте отмашку, хорошо?

Генерал присвистнул: он, опытный вояка, понял, что хочет показать ему этот темноволосяй парень со спокойными глазами. Стрельба с двух рук, с оборота, да еще и не целясь, навскидку! Это, братцы, не просто мастерство, это суперкласс. Неужели получится?! Вокруг постепенно стал скапливаться любопытствующий народ: им, людям опытным, битым и тертым, далеко не новичкам в военном деле, тоже не слишком верилось, что такое возможно. Селиванов развернулся на 180 градусов, передернул затворы «вихрей», досылая патроны. Рукоятки автоматов как-то очень удобно легли в ладони. Все? Все. Ну, где наша не пропадала!

– Готов!!! – и Александр мгновенно оказался лицом к двум возникшим именно что из-под земли поясным мишеням.

Раздался громкий слитный треск двух очередей; завоняло пороховой гарью.

И все получилось! Как поднялись две мишени, так и повалились. Вот когда генерала Барецкого пробрало по-настоящему!

– Н-ну, вот это я понимаю... – только и сказал он, изумленно покачивая головой.

У всех же остальных, видевших селивановский «фокус», был такой вид, что если бы не генерал, которого как-то стеснялись, то без аплодисментов не обошлось бы. Ай да Саша Селиванов!

– Надо полагать, – задумчиво произнес Павел Николаевич, – что ты и врукопашке никому не уступишь? Замечательно. Давай-ка к моей «Волге» пройдем. Учебный десантно-штурмовой нож найдется? Совсем хорошо!..

Стоит заметить, что учебный нож отличается от обычного, боевого, лишь тем, что у него затуплена режущая кромка и скруглен кончик лезвия. Убить таким не убьешь, но в спарринге можно получить весьма серьезную травму, если плохо владеешь приемами защиты.

На зов генерала из машины появился рослый, великолепно физически развитый парень с короткими светлыми волосами и загорелым лицом.

Надо ли говорить, что персональный шофер Барецкого не на автобазе свою профессию приобрел, и помимо вождения автомобиля мно-ого чего умел такого, чего мирные штатские

граждане не умеют? Из спецназа ГРУ, откуда ж еще... Это ведь каста, армейская элита, так кому ж еще возить генерал-майора этой славной организации?

– Держи, Коля! – Барецкий протянул шоферу учебный нож. – Вот твой противник, отнесись к нему максимально серьезно. Да, Александр, тебя с голыми руками против Николая выставлять – это как-то неспортивно. Подожди-ка...

Павел Николаевич открыл бардачок своей машины и достал оттуда черный складной зонтик.

– Твоя задача, – сказал он, обращаясь к Селиванову, – продержаться с этой вот штукой против Николая хотя бы минуту. Учти: мой Коля – мастер не из последних! Готовы? Пошла минута!

Противник, доставшийся Александру, выглядел значительно мощнее и внушительнее, чем он. Однако...

В Александре Селиванове не было ни капли лишнего жира. Сплошь тугие жгуты мышц, не накачанных, гипертрофированных, как у фанатиков бодибилдинга, а подсушенных, великолепно тренированных. Для своего роста Селиванов был довольно легким: не более семидесяти килограммов. И двигался он легко, словно порхающая над травой бабочка.

Генеральский шофер впрямь оказался опытным бойцом: он и не подумал немедленно броситься в атаку, а, полусогнувшись, начал обходить Александра по дуге, стараясь развернуть его против солнца, «положить подсветку на глаза». Но секунда бежала за секундой, и Николай решил: пора! Он провел классический отвлекающий финт и рванулся вперед. Удар он начал наносить от правого бедра, направляя нож наискось вверх, в живот противника, но...

Но это был обман, еще один блистательно выполненный финт! Потому что шофер в какую-то долю секунды сменил прямой хват на обратный, нож, описав дугу, оказался у него над головой, и настоящий удар пошел сверху вниз, в незащищенную шею Селиванова. Мастерски сработано, ничего не скажешь!

Только вот ничего из этого не вышло. Среагировать на перемену хвата и неожиданное изменение направления удара было безумно трудно, почти невозможно, однако Александр среагировал!

Он блокировал верхний удар соперника зонтом, одновременно разворачивая бедра и корпус вправо, уходя с линии атаки. Причем во время разворота зонт действовал на лезвие ножа, как рычаг, выкручивая кисть Николая. А затем левая кисть Александра пошла вниз и на себя, тогда как правая – от себя и вверх. Такое вот спиральное движение. Зонт давил на лезвие все сильнее, и вдруг правая рука Селиванова резким движением пошла вниз, точно на запястье Николая. У того не было ни малейшей возможности освободить руку с ножом или «порезать» кисти Александра: слишком быстро выполнял Селиванов все движения контратаки, слишком плотно была оплетена держащая нож рука! Нож выпал из руки шофера. Но дело на том не кончилось!

Селиванов без промедления шагнул левой ногой за противника и вложил всю силу и энергию тела в удар рукояткой зонтика в голову Николая. То есть, конечно, удар он только обозначил, но все четко увидели: не останови Александр своего удара в миллиметре от переносицы соперника, тот был бы либо оглушен, либо убит на месте: при достаточной силе удара сломанные носовые кости ушли бы в мозг. А напоследок зонт пошел от головы шофера вниз, по широкой дуге, нацеленной Николаю точнехонько в пах. И снова ровно в миллиметре Александр остановил удар. А если бы не остановил? Если бы бой был не учебным, и все происходило всерьез?!

Словом, не потребовалось минуты. Быстрее разобрались!

Когда до Николая дошло, что с ним сейчас проделали, он сначала покраснел не хуже вареного рака, а потом, схватив противника за руку, крепко, до боли пожал ее. Даже за плечи спарринг-партнера приобнял от избытка чувств:

– Ну, брат, ты даешь! Силен! Нет, я против тебя не потяну, куда котенку против тигра!

– Я же говорю, товарищ генерал, он может все, – негромко сказал полковник Тарасов стоящему рядом Барецкому.

– Всего не может никто, – несколько раздраженно ответил Павел Николаевич. В глубине души ему было немного обидно за Николая. Нет, не гладиаторские бои, конечно, однако... Его шофер, его боец проиграл спарринг!

– Ну, сами же видели, на что Селиванов способен! – пожал плечами Тарасов.

Павел Николаевич Барецкий отродясь ангельским характером и голубиной кротостью не отличался, а сейчас генерал-майора заело не на шутку. Ишь, супермен, понимаешь ли! Да был бы Барецкий сейчас помоложе... Еще посмотрели бы, кто кого!

Словом, спор о возможностях Александра Селиванова, истинных и мнимых, пошел с настоящим, генеральским размахом, тем более что Тарасов тоже отличался изрядным упрямством и от своего мнения отказываться не спешил.

– Хочешь пари на ящик коньяка, Семен Васильевич? – сказал наконец генерал. – Нет, не луну с неба достать, но задачу я ему поставлю очень сложную. Почему он на это согласится, спрашиваешь? Будь уверен: согласится! У Селиванова тут свои резоны имеются, он знает, что я могу помочь ему вернуться к активной работе. Так вот, если он с задачей справится, то ящик ставлю я, а если нет, тебе раскошелиться придется. Александр, подойди к нам!

– Слушаю вас, товарищ генерал! – отозвался подошедший Александр.

– Вот, говорят, что для тебя нет невозможного... – в голосе Барецкого прозвучала нотка иронии.

– Не я такое говорю, а другие, – пожал плечами Селиванов.

– А знаешь, мне бы очень хотелось в это поверить, – со значением произнес Павел Николаевич. – И я поверю, если ты... Если ты в течение получаса сможешь заминировать мою машину.

– Заминировать? – несколько удивленно переспросил Александр.

– Ага. Николай, дай-ка мне свой мобильник! Вот это – условная мина. И звонок телефона в моей машине будет обозначать взрыв. Если я услышу звонок, – значит, моя машина условно уничтожена. Как, возьмешься?

– А если на этот номер позвоню не я, а кто-то другой?

– Проблема решается просто, – улыбнулся Барецкий, решив, что Александр уже насадился на крючок по самые жабры. – Я сейчас поставлю новую сим-карту, и номер будет известен только нам двоим.

Через минуту генерал протянул мобильный телефон Селиванову.

– Так как же? Вот, кстати, возьми записку с новым номером мобильного.

– Минуту на размышление, товарищ генерал. Уж слишком задание нестандартное, – сказал Селиванов, но условную мину и записку с номером из рук Барецкого взял.

– А ты что скажешь, Семен Васильевич? – генерал полуобернулся к начальнику полигона. – Принимаешь пари?

– Если Александр возьмется за выполнение задачи, то да! – твердо ответил полковник Тарасов.

Ну, казалось бы, на какой срок Барецкий отвлекся, перестал контролировать Селиванова? Да совершеннейшая ерунда, – две или три секунды всего-то!

Но Александру их хватило. Он вообще очень быстро соображал, и если принимал решение, то действовал, не считаясь с риском. Селиванов превосходно понимал, что задача, предложенная ему генералом, принципиально невыполнима. Достаточно расставить вокруг «Волги» трех – четырех спецназовцев, да еще шофер Коля за рулем, и все это происходит при ясном свете дня... Тут, будь ты хоть семи пядей во лбу, ничего не придумаешь. Незаметно не подкрадешься, разве что невидимкой обернуться. Силовые акции исключены: не резать же насмерть

охрану и шофера, свои все-таки. Словом, несерьезно это, он не волшебник и магией не владеет. Поэтому ту самую минуту на размышление он попросил только для того, чтобы придумать, как бы отказаться повежливее.

Но судьба благоволит умным, храбрым и решительным! Сейчас она давала Александру шанс, в котором он остро нуждался: Барецкого следовало «дожать», окончательно убедить в своей уникальности и незаменимости. Уж слишком опротивело Селиванову читать лекции и «питаться манной кашкой». Так отчего не попытаться?! Чем черт не шутит...

Вот такие мысли с быстротой молнии промелькнули в голове Александра, когда генерал-майор Барецкий перенес взгляд на полковника Тарасова, заговорив о каком-то непонятном пари. Решено! Будет вам пари... Эх, сейчас бы везения немного!

И в следующее мгновение рука Селиванова с зажатым в ней мобильником шофера Коли неуловимым, незаметным для глаза движением метнулась к боковому карману генеральского кителя. И тут же отдернулась. Но... уже пустая!

И ведь выгорело! Никто ничего не заметил... Да-а, классный карманник получился бы из Саши Селиванова!

– Начинайте отсчет времени, – коротко бросил он и, не дожидаясь ответа, одним прыжком скрылся в густых зарослях лещины.

Когда начальник полигона полковник Тарасов увидел, какие меры безопасности предпринял генерал-майор для защиты своей «Волги» от «минирования», он несколько приуныл.

«На что, интересно, рассчитывал этот сумасшедший, когда соглашался? – сердито думал Семен Васильевич. – Что бы ему не отказаться? Через трех человек ему не пройти нипочем, будь он хоть трижды ниндзя. Выходит, и я дурака сваял... А, ладно, бог с ними, с деньгами. Не коллекционным же „Курвуазье“ я Барецкого поить обязан! На ящик ординарного „Ахтамара“ как-нибудь наскребу...»

Нет, нельзя сказать, что около условной цели совсем уж ничего не происходило. То в кустах какое-то подозрительное шевеление, то вдруг два охранника из трех, синхронно ахнув, схватились за лбы: каждому прилетело по весьма увесистому камешку, то прямо на крышу генеральской машины откуда-то свалился горящий кусок бересты... Что все это значит? Подготовка к нападению? Но нет, приблизиться к «Волге» за установленный срок Селиванову так и не удалось, в этом были уверены все. Однако и Александр по истечении получаса не появился!

– Что, Семен Васильевич, поехали за коньячком? – рассмеялся генерал. – Денег таких при себе нет? Это не беда, у меня есть, отдашь потом. Давай в Битцу, Николай, там вполне приличный магазинчик имеется, и ехать недалеко.

– А как же моя труба? – обиженно спросил шофер.

– Да не переживай ты за свой мобильник! – отмахнулся Барецкий. – Мы сюда еще вернемся, а ему с полигона деваться некуда.

Когда машина притормозила у магазина, Павел Николаевич достал из внутреннего кармана кителя бумажник, отсчитал несколько крупных купюр и, подмигнув Тарасову: «Отдашь!», протянул их Николаю.

– Давай, дуй за ящиком, Коля! – весело сказал генерал. – Видишь, ты сегодня проиграл, а я, вроде как взял реванш.

Не получилось реванша! Как раз в тот момент, когда шофер Барецкого выбирался из машины, в кармане генеральского кителя что-то призывно запиликало.

Павел Николаевич недоуменно посмотрел сперва на карман, затем на собственный мобильник, мирно лежащий на приборной панели «Волги», затем снова на карман. Что еще за чертовщина такая творится?!

Генерал-майор засунул руку в карман, озадаченно крикнул и вытащил «условную мину».

– Товарищ генерал, – раздался в трубке спокойный голос Александра, – докладываю: условная цель уничтожена. Я звоню с КПП полигона.

Барецкий несколько секунд молчал, осознавая произошедшее, а затем безудержно, до слез расхохотался. Нет, в чем угодно можно было обвинить Павла Николаевича, но уж только не в жадности или отсутствии чувства юмора!

– Вот там и оставайся! – прокричал он в трубку. – Мы сейчас подъедем, надо же отметить успех твоего очередного фокуса! Да и разговор у меня к тебе серьезный имеется. Н-ну, уел ты меня!..

Затем он повернул красное от смеха лицо с веселыми искорками в глазах к ошалевшему от такого неожиданного оборота событий полковнику Тарасову:

– Видишь, Семен Васильевич, не придется тебе ничего отдавать! Э-э, Коля, ты чего столбом стоишь, рот раскрыв? Смотри, – ворона залетит. Держи свой драгоценный мобильник, только сим-карту на прежнюю сменить не забудь. Приказ прежний: дуй в магазин за коньяком!

Именно в эти минуты генерал-майор Павел Николаевич Барецкий решил твердо и окончательно: он будет работать с Александром Селивановым. Хватит тому преподаванием заниматься, еще напреподается в старости. Если доживет, конечно...

Глава 8

Город Гагры – центр одного из семи административных районов Абхазии, во времена «Союза нерушимого» – один из самых популярных и престижных черноморских курортов. Даже фильм такой был «Зимний вечер в Гаграх», хоть какая там, в субтропиках зима – курам на смех! Но за последние пятнадцать лет, в особенности после грузино-абхазской войны 1992—1993 годов, город пришел в удручающий упадок.

Хотя город до сих пор все же красив особой, черноморской красотой. Дома здесь большей частью сложены из ракушечника и доломитового известняка, и Гагры кажутся словно бы выбеленными солнцем! Но...

Растрескавшиеся мостовые, заросшие диким кустарником и сорняками парки и скверы, зияющая дырами ограда восточной набережной, наполовину развалившиеся причальные пирсы и сторевшие эллинги... И множество прочих примет мерзостного запустения и небрежения. Роскошные фонтаны с подсветкой в центре города давно уже пересохли, да и какая тут подсветка, если никто не знает: будет завтра электроэнергия или придется при свечах вечер коротать? В изящном полукруге летнего Зеленого театра – а в нем какие только знаменитости не гастролировали! – теперь барахолка расположилась. Хороши прелести самостоятельности, независимости и прочего неограниченного суверенитета? А ведь сколько крику-то было, многие и по сей день надрываются. Да если бы только крику! А крови? А разрушений?

Когда люди пытаются изменить мир, не меняя себя, они, как правило, лишь коречат и уродуют его. Хотя бы потому, что результаты наших действий никогда не совпадают с нашими намерениями, будь последние трижды благими. Напомнить, в какое место вымощена такими намерениями дорога? Человек при должной настырности и соответствующих средствах – материальных, политических, военных, интеллектуальных, нравственных, наконец, может быть, и получит то, к чему он стремится. Но с довеском.

Вот в довеске-то все и дело! Примеров тому – несть числа. А в политике – в особенности. Независимость, хотя весьма специфического, чтобы не сказать разбойничьего, оттенка абхазы как бы и получили. Только радости для простого абхазского крестьянина из Амткела или того же самого жителя загаженных и заплеванных Гагр от этого мало.

Нет, природа этого воистину райского уголка планеты по-прежнему восхитительна: что ей до человеческих страстей, глупостей и преступлений? Все так же распускаются среди глянцевого темно-зеленого листвья белые, пряно благоухающие цветы магнолии, китайская акация погружает улицы города в нежно-розовую пену, из которой поднимаются могучие свечи кипарисов и растрепанные шевелюры пальм. По утрам с невысоких, покрытых пихтовым лесом и сосняком гор тянет ласковый прохладный ветерок, напоенный запахами смолистой хвои, самшита и олеандра. Иногда на самые верхушки горных конусов ложатся точно по циркулю проведенные кольца тумана. Белый туман, мрачноватая зелень горного леса и надо всем этим – яркая лазурь южного неба... Потрясающе красиво!

И море, конечно же, Черное море! Вечно изменчивое и всегда неодолимо притягательное. Оно то ласкает галечные пляжи Гагры легкими касаниями невысоких бирюзовых волн, то обрушивает на берег осенние десятибалльные шторма.

А бывает, как сегодня, лежит водная гладь, словно кусок переливающегося всеми цветами радуги шелка, и ни морщинки на ней! Спокойное, ленивое море так плавно и естественно сливается с безоблачным небом, что линия горизонта почти незаметна.

На мелководье у самого берега хорошо видны в прозрачной теплой воде зонтики аурелий, искорками просверкивают стайки мальков, черноморский бычок высунул пучеглазую толстогубую мордочку из-под обросшего водорослями камня. У самой кромки воды прыгают по мокрой гальке водяные блохи – рачки-бокоплавы.

Как и всегда, ближе к вечеру с моря потянуло легким освежающим бризом, смягчившим дневную жару. В самшитовых зарослях, окаймлявших пляж, нарастал хор цикад, поскрипывали кузнечики...

Самое лучшее время для того, чтобы на пляже понежиться.

Только – вот беда! – нежиться особенно-то негде. И некому.

Роскошные когда-то пляжи Сухуми, Пицунды, да и всех других прибрежных городов и поселков Абхазии в таком же запустении, как и все остальное. Гагры не исключение. Зонтики, душевые кабинки, навесы – все разломано и разворовано. Кучи мусора, полоса гниющих водорослей у кромки прибоя...

Единственно, где еще теплится жизнь, это пляжи бывших министерских и ведомственных санаториев. Когда-то здесь активно строили свои санатории и дома отдыха крупные российские министерства: мелиораторы, нефтяники, энергетики... Сейчас все эти здравницы вообще непонятно кому принадлежат, но относительный порядок в их корпусах и на огороженных пляжах все-таки поддерживается. Даже администрация, какая-никакая, имеется, обслуживающий персонал и прочие приметы цивилизации.

Вот в такие «оазисы» и приезжают немногочисленные российские туристы, отпускники, словом, отдыхающие.

Почему немногочисленные? А потому что страшно. Причину страхов и опасений подробно объяснять не надо, она и так у всех на слуху – грузино-абхазский конфликт.

Но почему все же хоть кто-то приезжает? Тоже все предельно просто: из-за цен. Они здесь такие низкие, что Расскажи кому в России, так не поверят. На российский рубль здесь кидаются, точно голодная дворняга на кость, про баксы и вовсе говорить нечего, конкуренция среди торгующих страшная. А где еще на жизнь заработаешь? Экономика-то, как бы помягче выразиться, тью-тью...

Вот и сейчас, на исходе погожего летнего дня, отдыхающих за оградой пляжа санатория с банальным названием «Жемчужина» было едва ли не меньше, чем разного рода продавцов.

Торговали всем, начиная от жареной «по-гречески» султанки, сушеной хамсы и холодного пива и заканчивая совершенно чудовищными по степени безвкусицы «подлинными абхазскими древностями», которым, по утверждениям продавцов, было никак не меньше двух тысяч лет. Над шезлонгами, лежаками и топчанами слоился едкий, дразнящий аппетит дым мангалов. Но подходить к мангалам народ особенно не спешил: кто его знает... Может, еще вчера этот шашлык на прохожих лаял?

Из динамиков доносилась обычная российская попса классического содержания: «Я тебя любила, а ты меня разлюбил, ушел от меня к другой, тебе же хуже, хрен с тобой!» или что-то в том же духе. Идиллия!

Двое мужчин, сидящих в полосатых парусиновых шезлонгах, лениво переговаривались друг с другом.

– Что это он делает? – спросил у своего соседа среднего возраста брюнет, кивнув в сторону кромки воды. – Вон, абориген с наушниками на голове.

– Кто? – лысый толстячок повернул голову, всмотрелся... – А, вот ты о ком! Это у местного населения промысел такой. Видишь, у него в руке штырь металлический, с кольцом внизу? Это самодельный металлоискатель, армейские-то на цветные металлы не реагируют, но тутошние Кулибины схему усовершенствовали. Он ищет всякую потерянную мелочь, которую прибором выносит. Крестики, кольца, цепочки, кулончики... Таких собирателей по всему черноморскому побережью знаешь сколько? И не так уж мало набирают, особенно после штормов.

Видимо, у «поисковика» клюнуло, пошел сигнал, то есть в наушниках раздался слабенький писк. Где-то здесь... Он присел на корточки, начал разгребать мелкую гальку.

Пара в шезлонгах продолжала свою ленивую беседу, типично пляжную, которая ведется для того, чтобы время скоротать. Толстячок явно не в первый раз попал в Гагры, считал себя знатоком местной специфики.

– Когда они в девяносто втором схлестнулись всерьез, трупов в море покидали видимо-невидимо, – тускловатым, совершенно лишенным эмоций голосом рассказывал он. – И знаешь, где они всплывали? Представь себе, на берегах Большого Сочи! Лоо, Головинка, иные аж в Лазаревском. Про Адлер и не говорю: там все пляжи мертвечиной провоняли. А дело в том, что тут сильное подводное течение имеется в сторону Адлера и дальше, на Туапсе. И сейчас, если утонет кто, или помогут кому утонуть, никогда утопленников здесь, в Гаграх, не находят. Где? А все там же: под Адлером и северо-западнее – Хоста, Мацеста, Дагомыс...

Абориген с металлоискателем разочарованно сплюнул, поднялся над выкопанной ямкой, в которой вожаемой добычи не оказалось, сделал два шага вперед...

И тут раздался взрыв, или, скорее, громкий хлопок, точно громадную бутылку шампанского откупорили. А вслед за ним дикий, захлебывающийся крик боли. Все, бывшие на пляже, инстинктивно обернулись: что случилось?!

Ох, лучше бы не оборачивались! Смотреть на такое...

Правую ногу несчастному «искателю сокровищ» оторвало до колена. Сахарной белизной блеснул скол бедренной кости, из разорванной артерии мощными толчками выплескивалась алая кровь.

Рыдающий крик раненого мгновенно утонул в истеричном женском визге. На пляже санатория «Жемчужина» началась суматоха, перетекающая в откровенную панику. Что это было? Неужели теракт?! А если сейчас и нас вот так же!..

На счастье пострадавшего не все потеряли голову: двое мужчин, одним из которых был толстячок из полосатого шезлонга, довольно умело наложили жгут, используя забытое кем-то в панике махровое полотенце. Иначе истек бы незадачливый поисковик кровью: бедренная артерия – это не шуточки.

А от главного корпуса «Жемчужины» уже бежал к ним кто-то в белом халате, с чемоданчиком в руках. Через пятнадцать минут после взрыва неизвестного устройства на пляже уже не было ни единого человека. Раненого унесли, отдыхающие и торговцы разбежались кто куда.

А еще через полчаса пляж вновь стал заполняться людьми: прибыли саперы и представители абхазских спецслужб. Им, специалистам, причина случившегося стала совершенно ясна почти сразу. Виновницей оказалась пластиковая противопехотная мина, один из самых мерзких и жестоких видов оружия, придуманных человеком.

Приоритет здесь принадлежит американцам, которые начали применять подобную гадость во Вьетнаме для борьбы с партизанами. Корпус у такой мины пластиковый, заряд взрывчатки сравнительно небольшой, осколков она не дает и предназначена не столько для того, чтобы убивать, сколько для выведения противника из строя. Проще говоря, она калечит. С точки зрения целесообразности это даже эффективней, чем убить. Что будет делать партизанский отряд с двумя-тремя такими ранеными? Тащить с собой? Тогда прощай мобильность, главный козырь партизанской войны. Пристрелить? Так обычно и поступали, но можно себе представить, как это влияло на моральный климат в отряде. Когда на твоих глазах твой товарищ получает пулю от своих, потому что нет иного выхода, поневоле... призадуматься.

Такое оружие фантастически дешево и очень просто в производстве, а потому и производилось его немерено. А затем мины просто рассеивали с летящего на небольшой высоте вертолета над джунглями, рисовыми чеками, словом, где угодно. Металлоискателем пластиковую мину не обнаружишь.

Использовались пластиковые противопехотные мины и в Никарагуа, и в Анголе, и много где еще.

Как ни печально признать, но и Советский Союз в Афганистане такое оружие применял. Сейчас они строго запрещены международными конвенциями, но запасы их во всем мире вообще и в России в частности огромны.

Довольно много таких мин было установлено в горах во время грузино-абхазской войны 1992—1993 годов. И той и другой сторонами. Мины легкие, обладают чуть ли не нулевой плавучестью, то есть подвешены в толще воды, переносятся течением, прибором... В первые послевоенные годы их смывало дождями в ручьи и реки, а оттуда они попадали в море, волны выносили их на пляжи.

Жителю средней полосы России трудно привыкнуть к тому, что здесь, в субтропиках, не бывает сумерек. Вот только что все вокруг было залито потоками солнечного света, небо и море сверкали лазурью и бирюзой. И вдруг ночь, словно огромная черная кошка, выпрыгивает из-за гор. Ложится своим мягким бархатным брюхом на побережье, и вот уже всю сияют большие, яркие южные звезды.

Но этой ночью не только звезды и серпик нарождающегося месяца освещали прибрежные воды в районе города Гагры. Мощные прожектора абхазских пограничных катеров скрещивали голубоватые лучи, которые отражались от скатов мелких волн. Катера тралили море вдоль побережья: вдруг обнаружится еще несколько мин? На берегу же перемигивались светлячки ручных фонарей. Люди со специальными приспособлениями, похожими на ручные асфальтовые катки, прочесывали прибрежную полосу по обе стороны от «Жемчужины». Интенсивная работа шла до рассвета, утром нужно что-то сообщить отдыхающим, успокоить их. Результат оказался нулевым и в море, и на берегу. Других мин обнаружено не было.

@int-20 = По выложенной фигурными доломитовыми плитками дорожке к главному корпусу «Жемчужины» неторопливо, с одышкой, поднимался полный мужчина лет пятидесяти. Внешность мужчины была весьма характерной: он здорово походил на «последнего рыцаря императора», небезызвестного Лаврентия Павловича Берия. Мужчина явно догадывался о таком сходстве и, совершенно очевидно, старался подчеркнуть его. Во всяком случае, очки, напоминавшие пенсне, у него были точь-в-точь такие же, да и усики характерные. Для абхаза – а Айас Саидович Речуа был чистокровным абхазом, уроженцем села Чхалту – такое подчеркивание несколько странно. Сталина и его гвардейцев здесь не любят, многие абхазские мужчины, например, потомки Нестора Лакобы, до сих пор считают род Джугашвили своими кровниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.